ISSN 2225-0271

Русская Православная Церковь

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине

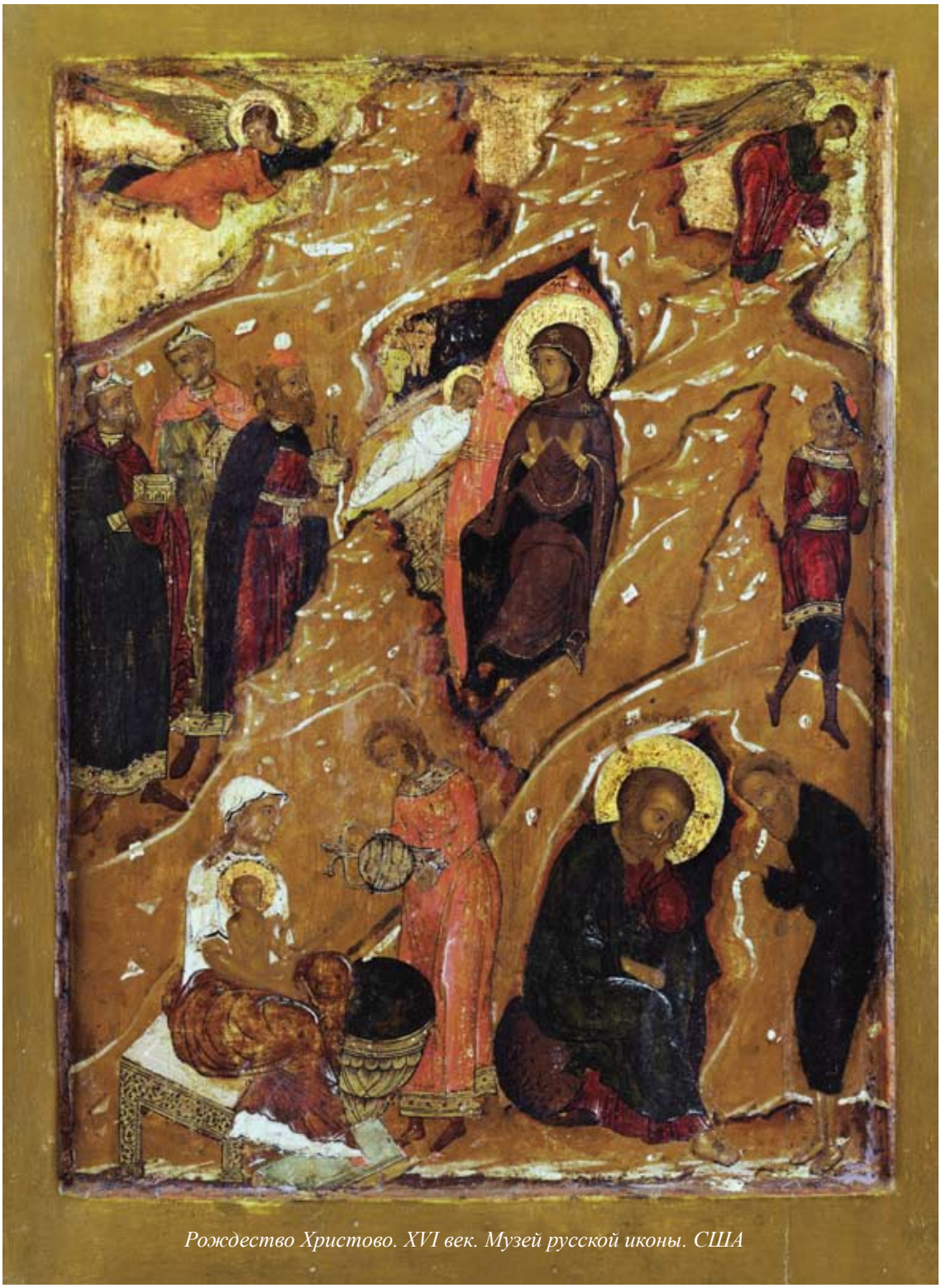
ЛАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

№ 1 (112) 2017
январь — февраль

Тема номера:
ДЛЯ ЧЕГО СОВРЕМЕННОМУ ЧЕЛОВЕКУ ПАМЯТЬ?

- Крестный путь митрополита Сергия
- Как бабушка и профессор Осипов привели физика к Богу
- Где венчалась «девочка с персиками»

Рождество Христово. XVI век. Музей русской иконы. США

Не в шуме ветра Бог, не в громе,
Не в грозной буре – наяву
Младенец в яслях, на соломе,
Лежит среди овец в хлеву.

Склонилась Мать над колыбелью,
Теперь Ей долго не уснуть...
За белой русскою метелью
Я отправляюсь в дальний путь.

О, только б не терять из виду
Звезду, что в Твой вертеп ведет!
Как, недостойнейшая, вниду
Под освященный Богом свод?!

А снег кружится белопенный
В небесном и земном мирах.
Царя, Создателя вселенной
Качает Дева на руках.

Горит зари бессмертной кромка...
Не в вихре бурь или огня –
В блаженном лепете Ребенка,
Господь, я познаю Тебя!

Ольга Гусева

СОДЕРЖАНИЕ

ДЛЯ ЧЕГО СОВРЕМЕННОМУ ЧЕЛОВЕКУ ПАМЯТЬ?

Игумен Варлаам – Павел Демидов
Непреходящее чудо памяти 5

Рустам Рахматуллин – Павел Демидов
Кто защитит Карамзина, Екатерину II или архитектора Казакова? 9

Лариса Беляева
Анкета «Лампады»
Скажите, пожалуйста… 12

Алексей Кедринский
Груз памяти помогает человеку не согнуться 14

Говорит Память 15

ЦЕРКОВЬ НЕБЕСНАЯ

Священник Сергий Ванюков
Слово на праздник святителя Николая 16

Николай Беседин
Святитель 17

РОДНЫЕ ПЕНАТЫ

Вадим Рутковский
Русский мир Бориса Зайцева 18

Борис Зайцев
Голубая звезда (отрывок из повести) 20

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

Архивариус
Храм, где венчалась «девочка с персиками» 22

Наталия Прохорова
Крестный путь и крестная смерть владыки Сергия 24

Евгения Тарасова
Одной судьбою со страной 28

МИР ВОКРУГ НАС

Нина Козырева
Со знаком качества 31

Евгений Данилов
Наталия Ануфриева, дочь своего народа 32

Вера Кострова
Самая точная из наук – наука о Боге 34

Рузана Шилова
Памяти Елизаветы Глинки
Наследники Доктора Лизы 38

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине
lampada-press.ru

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор
Павел Демидов

Елена Трубецкая (**подписка, распространение, реклама**)

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Нина Орлова

Обложка: Свято-Никольский храм в г. Темиртау (Республика Казахстан)

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
+7 (963) 962-55-75
www.znamenie-hovrino.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-49478 от 24.04.2012 г.
Выход в свет 20.01.2017
Цена свободная

Этот номер вышел заботами рабов Божиих Алексея и Александра. Храни их Господь

Приход храма иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине, г. Москва

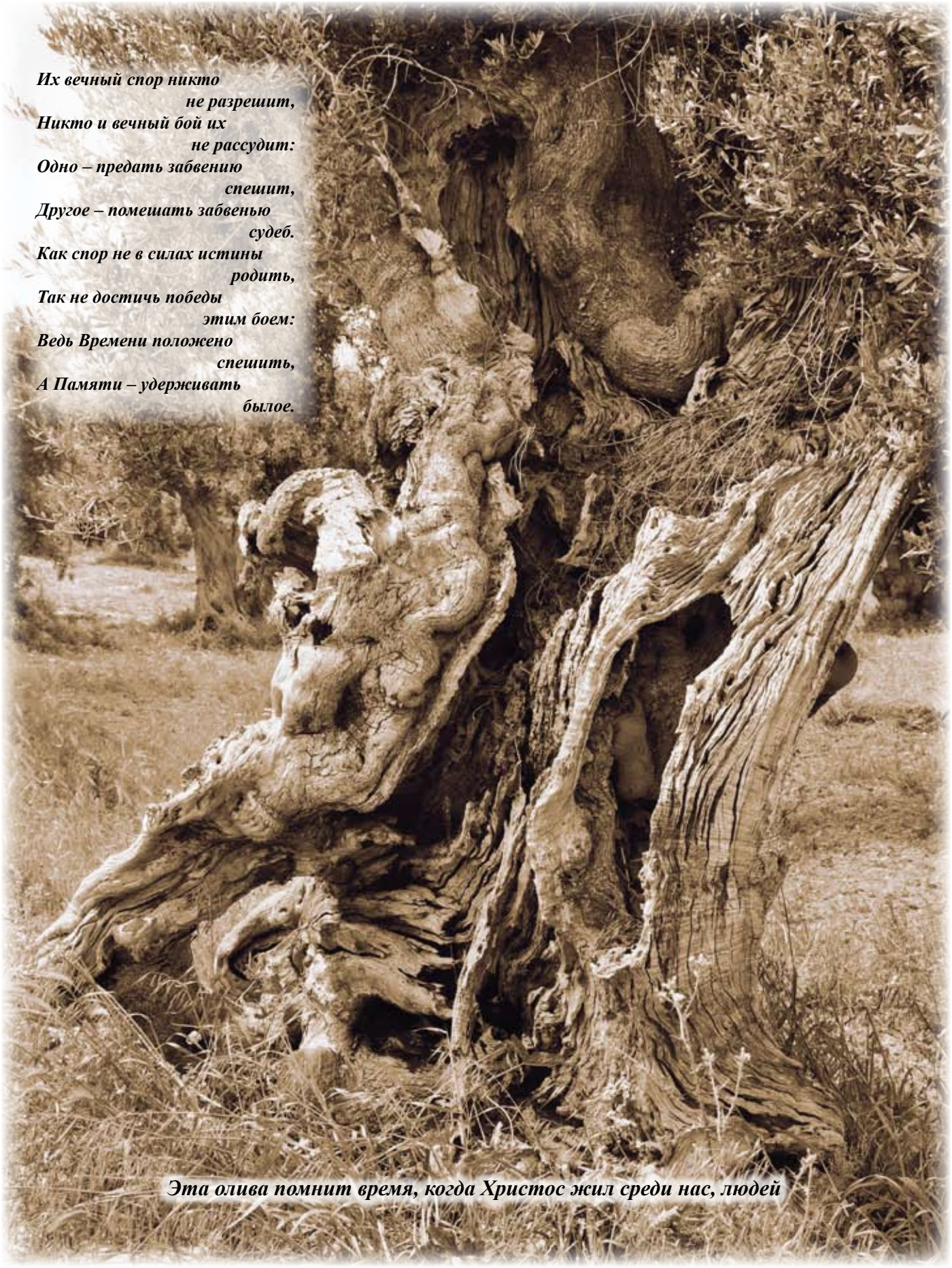
Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 30101810400000000225
КПП 774301001

Отпечатано
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, Московская обл.,
г. Можайск, ул. Мира, 93

Контактный телефон:
+7 (495) 745-84-28
+ 7(49638) 2-06-85

Тираж 1000 экз. Заказ № 0730

© Лампада, 2017

Их вечный спор никто
не разрешит,
Никто и вечный бой их
не рассудит:
Одно – предать забвению
спешит,
Другое – помешать забвенью
судеб.
Как спор не в силах истины
родить,
Так не достичь победы
этим боем:
Ведь Времени положено
спешить,
А Памяти – удерживать
былое.

Эта олива помнит время, когда Христос жил среди нас, людей

Непреходящее чудо памяти

Беседа с настоятелем Воскресенского мужского монастыря Ермолинской пустыни игуменом Варлаамом (Бориным) главного редактора журнала Павла Демидова

– Нужна ли современному человеку память? – это, как вы знаете, тема номера и нашего с вами разговора. Но прежде мне хотелось бы услышать от вас как бы вступление к теме. Есть память человека. И есть память человечества. Так вот, память человечества складывается из памяти отдельных людей или это совершенно другое понятие и явление?

– Чтобы ответить на этот вопрос, для начала постараемся определиться с тем, что такое память человека. В некотором смысле вступление к вступлению.

– Извольте. Начнем со вступления к вступлению.

– У самого человека, мне кажется, как минимум две памяти. Одна – от человека внешнего, другая – от внутреннего.

– Память внешняя и память внутренняя?

– Именно так. Память внешняя – это информационная память, зачастую – просто безотчетное знание заученного: цифры, факты, какие-то события, знание языков… Ее функция сугубо прагматична.

– То есть это как бы одна из способностей человека.

– Да. Способность рассудка что-то помнить. Ведь человек – существо многообразное, что может иметь и негативный подтекст. Например, способность помнить что-то плохое. Ну а вторая память – это память внутренняя, связанная именно с внутренним человеком, и относится не к рассудку, а к сердцу человека. С внутренней памятью связано и усвоение человеком духовных истин. Одна из ее особенностей в том, что она может и не нуждаться в конкретном информационном наполнении, но в то же время живет в человеке, причем живет активно, работает, побуждает его к определенному поведению или погружает в определенное состояние.

– И она уже существует в человеке независимо от того, хочет он этого или нет?

– А отчего, вы думаете, возникло выражение «Не могу забыть»? Если

мы, например, попадаем в места, где прошло наше детство, у нас возникают определенные чувства, хотя мы можем и не помнить каких-то конкретных фактов или событий. Но я не об этом. Внутренняя память дает возможность человеку «увидеть» отдельные факты (этот глагол в кавычках), понять их связь, что все произошло не случайно, а это некая закономерность его жизни, обусловленная складом души, наклонностями, что, в свою очередь, дает возможность делать выводы относительно самого себя – усваивать на своем жизненном опыте духовные законы или же обобщать какие-то другие знания, в том числе и научные.

– Можно сказать, что внутренняя память учит человека аналитическому подходу как к собственной, так и к окружающей его жизни?

– Я бы согласился с этим.

– Можно выделить какую-то характерную черту внутренней памяти? Как вы думаете?

– Это уже сделал Батюшков: «О, память сердца, ты милей рассудка памяти печальной». Память рассудка, она как раз всегда печальна, ибо навевает мысль, что вот жизнь прошла; прошла, конечно, не так, как мечталось в молодости, и прочее. А память сердца милей, потому что она глубже. Достоин сожаления тот человек, кто не обладает памятью сердца. Родства не помнящий – это не тот, кто забыл свое происхождение, это вообще бесчувственный человек, которому безразлично все – от собственного происхождения и истории своей страны до судеб человечества.

– Мы как раз вернулись к предмету нашего разговора. Память человечества – это сумма памятей каждого отдельного человека или все же нечто иное?

– Думаю, это ни в коем случае не механическое объединение известного отдельным особям в нечто единое.

– Священное Писание – это ведь тоже память?

– Безусловно. И прежде всего. Это очень яркий пример памяти человечества. Здесь как раз заложена не сумма знаемого. Думается, правильным будет сказать, что Священное Писание – это, в первую очередь, память человечества о Боге. И тут открывается еще одна, особая, сторона памяти, хотя она и относится к внутренней, которую святые отцы называли *памятованием* – памятованием о Боге. Это не просто память о том, что Бог есть, что Он Творец Вселенной и т. д., а то, что мы ходим перед Ним, как принято говорить, перед Его очами. Преподобный Исаак Сирин говорил, что во всякое время надо памятовать о Боге, тогда и Он вспомянет о нас.

– Ну а Священное Предание – это тем более память?

– Если попытаться вникнуть в технологию передачи Священного Предания, мы увидим два очень важных составляющих компонента: первый – передача знаний от поколений к поколениям через конкретных людей, что всякий раз дополняет и видоизменяет эту эстафету; и второе – постоянно и непременно присутствующая богодухновенность, без которой все превратилось бы в механическое и довольно скучное занятие. Аналогичные примеры дают нам дошедшие до наших дней и жития святых. Толчком к их созданию поначалу были конкретные люди, затем – предания; переходя к последующим летописцам,

они менялись – что-то теряли, что-то приобретали… Но что любопытно: со временем отработались своего рода житийные клише, с которых писались портреты разных людей с добавлением минимума индивидуальных черт героя. Я не думаю, что в этом какая-то неправда. Священное Предание – это не учебник истории и не хронологическая таблица…

– Его можно назвать уставом духовной жизни.

– Пожалуй. Хотя это определение больше подходит к Священному Писанию. Кстати. Говоря о Священном Писании и Предании, имеет смысл упомянуть еще один вид памяти – памяти не о Боге, а память Самого Бога, Его посещения, то есть действия Святого Духа, о котором Христос говорил Никодиму. Именно об этой памяти, как мне кажется, мы просим в первом прошении молитвы Господней: «Да святится имя Твое…». Если помнить, знать об этом особом, избранном, то есть святом, действии имени Божьего как благодати, у нас даже при рассеянии мыслей возникает вектор возврата внутрь, в сердце, где можно исповедаться «имени Твоему».

– Но Священное Писание ведь не единственный ресурс памяти человечества?

– Безусловно. Взять тех же неверующих людей, которые обходятся и без Писания, и без Предания. Можно обсуждать, насколько они тем самым обедняют себя, но исключить их из числа носителей общечеловеческой памяти никак нельзя. Хотя, конечно, память человечества во многом зависит от веры и даже от ее степени. Как говорил епископ Михаил (Грибановский), каждый имеет свою глубину и напряженность веры, при этом та и другая постоянно изменяются в нас. Поэтому общечеловеческая память, по-видимому, не что-то статическое, устоявшееся, а также переменчивая экзистенция.

Кстати, в других духовных культурах тоже известны глубокие суждения, касающиеся памяти. Например, в Бхагавад-Гите говорится об опасности ее потери: человек, который помышляет только о чувственных объектах, неизбежно приобретает привязанность к ним; от этого возникает желание, от желания – гнев; от гнева – заблуждение, а от заблуждения – утрата памяти. Такая вот нарисована цепочка, в конце которой из-за утраты памяти происходит разрушение разума. Ну а из-за разрушения разума, говорится там, человек погибает. Вот что происходит при утере вектора возврата – возврата в свое сердце, к внутренней памяти, к Богу.

– Память человечества – это, с одной стороны, нечто нематериальное, не то, что можно физически пощупать или взять в руки. Но с другой стороны, она весьма конкретна, ибо имеет реальное наполнение. И в этом качестве она не может не иметь вполне материальные параметры, например тот же объем. Иными словами, она должна где-то храниться, так?

– Разумеется.

– Если все это лежит в фолиантах, на каких-то носителях и находится без движения, то есть не используется, это ценности не имеет, вроде бы ее и нет, этой памяти. Вы согласны?

– И поэтому, думается, тут тоже можно говорить об изменчивости общечеловеческой памяти… Если рассматривать память человечества сугубо утилитарно, то оно так и есть. Но представить такое, честно говоря, трудно. Человек всегда взаимодействует с памятью, будь то своя, личная, или память всего человечества. Другое дело – степень этого взаимодействия. Она, мне кажется, зависит от состояния духовности человека. Мне приходит на ум история Марии Египетской. Когда старец Зосима встретил ее в пустыне, она спокойно цитировала в разговоре с ним Священное Писание, хотя никогда прежде до этого его не знала, но уже много лет вела праведную, аскетичную жизнь. Соприкосновение с памятью человечества зависит от духовного состояния. Например, старец Силуан считал, как пишет архимандрит Софроний (Сахаров), что, если духовный человек займется наукой, он несомненно достигнет более заметных успехов, чем не духовный человек. Поскольку духовная жизнь является более высокой сферой бытия по сравнению со сферой логического мышления, с которой имеет дело наука, то, нисходя в план низший, духовный человек может проявить бóльшую одаренность по сравнению с человеком, занятым лишь земным планом бытия…

Есть расхожее мнение, что молитвенная и прочие формы духовной жизни существуют вроде бы сами по себе, оторванно от реальности. Это глубокое заблуждение. Именно духовная жизнь – самый надежный мост между нами, сегодняшними, и тем, что составляет память человечества. Можно сказать, что человек, живя духовной жизнью, выходит за границы земного, житейского, что, собственно, происходит и с учеными, ведущими научный поиск. Таким образом человек расширяет свои познания физического мира.

– Как на ваш взгляд: память формирует человека?

– Думаю, что формирует. Скорее, даже убежден – формирует. Ведь процесс формирования личности неотделим от того, что человек помнит.

– Но один помнит одно, другой – другое. Это особенность психики человеческой или результат воздействия на него внешних обстоятельств?

– Думаю, в первую очередь особенность психики. Оттого и люди так отличаются друг от друга.

– Современный человек, по-моему, не очень озабочен тем, чтобы излишне обременять свою память, наполнять ее чем-то, что не имеет сиюминутной ценности. Вам не кажется?

– К сожалению, ваше наблюдение имеет под собой реальную почву. Когда вы спросили, воздействует ли память на формирование личности, я вспомнил картинку, свидетелем которой был вчера в метро. Ехала девушка. Из наушников, которыми она оседлала свою голову, все равно были слышны модные ныне громкие звуки, которые я не берусь назвать музыкой. Если она слушает это все время – и отдыхая, и во время работы – что же творится у нее в голове?! О какой памяти можно говорить? Да и нужна ли она вообще, эта память, при такой организации своей ментальности? Не стану говорить о месте музыки в жизни человека: это общее место. В конце концов, каждый имеет право выбора той или иной мелодии жизни, даже такой, что я слышал в метро из наушников. Но если она – единственное, что наполняет жизнь, – печально.

– Сегодняшний мир чуть ли не силой навязывает свои вкусы и пристрастия.

– Не думаю, что все так уж безнадежно. Мне кажется, что заботы века сего все же не полностью поглощают современного человека. Интерес к соб-

ственной душе, к ее наполнению в нем не угас. Преходящее, земное, материальное в нем может занимать заметное место, но не всё, не всё.

– Чем, по-вашему, вызвана эта тенденция – стараться все сводить, грубо говоря, к нажиманию кнопок? Ленивой человеческой природой?

– Отчасти – да. Но в том, что человек освобождает себя от какого-то рутинного, малопроизводительного труда, ничего плохого я не вижу. Куда и на что он направляет высвободившееся время и энергию – вот вопрос. Да, сегодня это преимущественно развлечения, получение иных удовольствий. Избавление себя от труда думать, анализировать…

– Получается парадокс! Напрягает свой ум для того, чтобы придумать что-то, что позволило бы ему потом не думать.

– При этом происходит своего рода разделение труда: те, кто работают над этим, продолжают думать, а не думают те, кто этим и не занимался.

– Одни – производители, другие – потребители.

– Совершенно верно.

– Есть ли связь, отец Варлаам, между предметом нашего разговора и всеобщим стремлением к облегчению жизни? К ее сканированию, а не изучению. К тому, чтобы легко скользить по ее поверхности. Как в телевизионном «Ледниковом периоде». Все могут кататься на коньках. Все могут легко скользить. В самом деле, для чего тогда память?

– Действительно, может сложиться впечатление, о котором вы говорите. Особенно когда видишь, как люди растворяют себя в поверхностных информационных слоях – будь то развлекательная музычка из наушников, или игры, или сообщения из гаджетов. Это общее впечатление. Но когда сталкиваешься с конкретным человеком, оказывается, всё не так. Большинство молодежи, с которой я встречаюсь, учится, причем делает это весьма заинтересованно. Многие, я знаю, не гонятся за престижными профессиями, а делают выбор, как говорят, сердцем. Всё очень конкретно и предметно.

– А как быть с исторической памятью? Она тоже конкретна и предметна и у каждого своя? Например, историческая память нашего народа. И историческая память западного общества. Они же не идентичны. Верно?

– Чем вызван ваш вопрос?

– Мне кажется, мы сейчас очень серьезно взялись за нашу историческую память. За ее стимулирование. Не перебираем ли мы в своей активности?

– Есть перекос, есть. Мне кажется, это неизбежно, если рассматривать историческую память через историю конкретного народа или общества. Здесь неизбежен политизированный подход и как следствие – субъективный, то есть тенденциозный, взгляд. Если можно так выразиться, чистая память – это история как таковая без всякого осмысления, то есть память о событиях прошлого. Осмысление же, толкование, историософия – тут уже включается другое свойство личности (или личностей). Поэтому, если говорить о памяти человечества, я бы начал с памяти отдельного человека, личности. Можно сказать, как он жил? Можно. Есть объективные свидетельства, документы, рассказы очевидцев, наконец, собственные свидетельства. Все это создает картину жизни, которая со временем переплавляется в историческую память. Либо, если мы не довольны своим существованием, начинаем жить мечтами о будущем. То есть во всех случаях не живем сегодняшним днем…

– Тогда как Господь призывает нас жить именно сегодня.

– Вот именно. «…Довлеет дневи злоба его» (Мф. 6:34) – довольно для каждого дня заботы его. Завтрашний день во многом будет зависеть от того, как мы живем сегодня. Если сегодня мы живем полноценно, это не сможет не сказаться на нашем будущем. Если, допустим, мы молимся, но не о том, что будет завтра, а о том, чтобы сегодня быть с Богом, завтра Господь все нам и подаст. Я не сторонник того, чтобы просить у Бога что-то конкретное. Самое главное – быть с Ним, то есть находиться в процессе обóжения. А все остальное приложится. Если это не получается, жизнь не складывается. И завтра будет хуже, чем сегодня, и так далее. Думаю, историческая память отчасти устроена так же. Если взять наше недавнее прошлое, советское, в нем мы жили ради будущего. Когда это не получилось, пришло всеобщее разочарование. Но за ним не последовала адекватная замена рухнувших идеалов, и люди стали жить ретроспекциями – воспоминаниями реального прошлого. Это, надо сказать, удобный, но не конструктивный подход. Удобен он тем, что всегда есть эталон: «а вот в наше время…», что, с одной стороны, утешает, а с другой – эмоционально взбадривает, ожесточает против реальности, всегда находит виноватого, освобождая от собственной вины за происходящее. А неконструктивность подхода в том, что он не содержит никакой созидательной программы. Вот мы и топчемся на месте, с головой, повернутой вспять. А как при этом можно двигаться вперед?

– А как быть с той же традицией? Вычеркнуть ее из памяти?

– Ни в коем случае! Хотя и тут есть обманная уловка. Некоторые батюшки говорят: нужно вернуться к традиции. Мы, мол, должны держаться традиций отцов. На деле это означает точное исполнение буквы невзирая на внешние обстоятельства и состояние души современного человека. Но ведь внешнее копирование даже очень благочестивых обычаев или уставов ведет лишь, простите, к обезьянничеству.

– Действительно, нужно ли такое в принципе?

– Вот именно! Это главный вопрос. Особенно, думается, для монастырей. Если соблюдение формы давит на содержание, это ломает человека. Если соблюдение буквы монастырской жизни становится целью, человек, живущий в монастыре, выпадает из монашеского образа. И строгий устав, и трудничество – все хорошо, все полезно, но если человек при этом попадает на службу раз в месяц, поскольку у него просто нет времени, это неправильно. Вернуться к традиции отцов – это не значит скопировать, такое просто невозможно, потому что мы живем в другое время. Душа и страсти остались те же… хотя можно сказать, что страсти приобрели большое разнообразие для своего проявления… но бороться со страстями, освобождая душу от них, нужно не теми способами, которыми боролись древние подвижники: такое современному человеку не по плечу, а – в том же Духе! То есть надо стремиться пребывать «в духе и истине» (Ин. 4:23). Как говорил протоиерей Георгий Флоровский: «Вперед к отцам».

– Да, ведь человек непоправимо изменился.

– Ой как непоправимо!.. И не учитывать это невозможно. Я не хочу давать рецепты, каким должно быть монашество. Основное – как было всегда, так и сейчас – в состоянии духа. Проще, конечно, держаться буквы, и мы при каждом удобном случае склоняемся в эту сторону. Внешне вроде бы исполнил что-то – и свободен. Это же иллюзия.

– Можно сказать, что суть Божиего закона в духе, а суть человеческого – в букве?

– Увы, да… И хотелось бы, чтобы наша историческая память была не данью букве, а служением духу.

– Наверное, отсюда стремление людей идеализировать прошлое и критически относиться к настоящему?

– Я тоже задумывался над истоками этого явления. Оно ведь вневременное, то есть так было всегда. Мне кажется, это вообще свойство человека, человеческой психики – более позитивно оценивать все, что связано с его личной жизнью, с его прошлым и так далее. Своего рода защитная реакция: мол, жизнь прожил не зря. Однако: «Не говори: “отчего это прежние дни были лучше нынешних?”, потому что не от мудрости ты спрашиваешь об этом» (Еккл. 7:10).

– Пожалуй. Так легче найти объяснение и сегодняшним нестроениям.

– И главное – уменьшить свою ответственность за все, что было и что есть. Лично мне, например, приходится постоянно преодолевать в себе это стремление. Так соблазнительно измазать все вокруг черной краской – вот как все безнадежно! – и сам вроде бы весь в белом. Очень борюсь с собой. Второе Пришествие неизбежно, но я не живу его ожиданием.

– Апокалиптическое устроение вам не близко?

– Нет. Это – не мое. Чаю… жизни будущего века... Мне кажется, нам нужно страшиться не антихриста, а – оказаться недостойными Божественной любви. Когда будет Второе Пришествие, это-то и обнажится в каждой душе в первую очередь.

– Это, кстати, и чувствуется. Не только в вас как в человеке – чувствуется в вашем творчестве. Ваш оптимизм приходит к читателю из ваших произведений очень органично. Вы не пропагандируете свои взгляды, а предлагаете их читателю. Это очень важно. Именно потому мне так запала в память первая ваша вещь, которую я прочитал, – «Повилика». Читая вас, вырабатываешь какой-то свой, внутренний ритм жизни. Тихий, созерцательный. И умный. И это, наверное, свойство вашей памяти.

– Благодарю, все это очень лестно и не вызывает возражений. Но что хотел бы добавить. Подход в литературе, о котором вы говорите, вообще присущ мне как человеку. Наш монастырь невелик, но движение людей в нем постоянно. Особенно много проходило через меня в девяностые годы. Сколько было так называемых выпускников из мест лишения свободы, наркоманов… и верующие были… нищенствующие монашествующие… Сейчас все как бы сгладилось, нет таких острых социальных проявлений, какие наблюдались в то время, но движение не прекращается. Вот пример: вчера на автобусной остановке подходит человек средних лет, с одутловатым лицом. Спрашивает: «Скажи, пожалуйста, куда пойти сдаться в монастырь?». Живет на улице. Ищет кров. Чем я мог ему помочь? Я сам в Москве проездом. Но мелькнула мысль: и этот человек уйдет из моей жизни, как ушли многие до него. Пришли – и ушли. Это неизбежно и естественно, однако щемящее чувство сожаления эта мысль вызывает. Кто-то пришел за советом, кто-то неделю прожил, а кто и год, кто-то впервые причастился, кто-то время от времени наезжает… Со многими из них связи нет, а теплое чувство осталось ко всем. И я подумал, что надо было хотя бы записывать имена этих людей. Это ведь тоже память?..

– Память, мне кажется, она всюду. Она окружает нас. Мы пребываем в ней, как в питательном растворе. В связи с этим, отец Варлаам, еще один аспект нашего разговора. Память и чудо. Как, по-вашему, в чем их сопряжение? И есть ли оно вообще? Лично мне кажется, что память – это вообще единственная субстанция, в которой может существовать чудо.

– Вы знаете, это действительно так. В моей жизни случился человек, который был поражен неизлечимым недугом. Его спасла молитва. Это не было одномоментным – помолился и исцелился. Его спасла молитва как состояние, в котором он пребывал. Но как об этом рассказать? Невозможно!

– Когда чудо становится достоянием реалистического произведения, уходит то главное, что делает чудо чудом. И дело тут не в мере таланта. Оно – как снежинка, которая тает от соприкосновения с реальностью. Есть такое ощущение?

– Есть. Есть! Я тоже много размышлял над этим.

– Я как-то взял на себя смелость сформулировать, что такое чудо.

– И что же?

– Реальность, которая не поддается рациональному объяснению.

– Пожалуй…

– Однажды у меня попросили совета. Женщина решила написать сценарий о явлениях чудотворной иконы. Я ей ответил, что не знаю, как это делать. Здесь нужен другой киноязык, а какой – не знаю. Так же апостол Павел не знал, как выразить то, что он увидел, будучи восхищенным до третьего неба. Земными словами он не мог это выразить. Для того, наверное, и существует память, чтобы чудо могло в ней жить.

– Я полностью согласен с тем, что вы сказали. Вспоминаю и собственное восприятие. И вижу, что оно не отличается от нашего с вами разговора. Есть такой еще момент. Когда только входишь в сферу духовного мира, в область веры, чудеса, о которых вы узнаете из различных источников, очень поддерживают новоначального. Но в какой-то момент начинаешь чувствовать, что не получаешь того духовного импульса, который испытывал сперва.

– Наверное, потому, что начинаешь понимать: нельзя устанавливать примитивную причинно-следственную связь: вот, мол, помолился – и выздоровел.

– Примитивную связь вообще устанавливать даже опасно, особенно в вопросах духовных, связанных с ментальной сферой.

– Я тоже стараюсь избегать этого. Хотя, что скрывать, порой так хочется сказать: вот оно, чудо!

– Пусть уж лучше оно остается в памяти. Верно?

– Благодарю вас. Спаси вас Господь!

– И вам, Павел Павлович, помощи Божией и благодати!

Кто защитит Карамзина, Екатерину II или архитектора Казакова?

Есть люди, чью профессию или род занятий невозможно определить одним словом. Но не спешите рисовать образ некоего Ломоносова наших дней. Уникальность Рустама Рахматуллина в том, что он при всем разнообразии своих умений – журналистика, писательство, культурология, москвоведение и связанная с ним архитектура, педагогическая и общественная деятельность – относится к сугубо узким специалистам, ибо все вышеперечисленное служит одному – изучению, исследованию нашей столицы, ее сбережению и охране. Потому наш с ним разговор на тему номера – о месте памяти в нашей жизни – не мог не касаться и Москвы.

Павел Демидов

– Можно ли назвать архитектуру частью исторической памяти человечества? Уместны ли здесь аналогии с другими видами культурной и иной деятельности людей?

– Конечно, в полной мере.

– Значит, и в архитектуре превалировали попеременно различные начала – религиозное, эстетическое, функционально-прагматическое, воинствующее и т. д.? Если да, то в какое время мы живем сейчас?

– Эти начала скорее совмещались. У современной архитектуры – архитектуры модернизма – на мой взгляд, нет идейности. Даже нет мысли, что идейность возможна. Или нет возможности быть идейной. Я не играю словами. Обратите внимание, что при всяком возвращении к классицизму возникает если не сразу идейность, то мысль о ее возможности.

– То есть нам никак не обойтись без исторической памяти. А влияет ли она на формирование личности? Если да, то каким образом? Если нет – может быть, она и не нужна?

– Обладающий исторической памятью помещает свою жизнь или свои размышления о жизни в поток истории. Это особое состояние. Например, видя украинскую катастрофу, начинаешь думать от Миндовга и Гедимина. Сошлюсь на собственный пример. Для меня каркасом самообразования стало москвоведение. И начиналось оно сразу за дверями Университета, на Моховой улице. К счастью, Москва – национальная и мировая столица, огромное сосредоточение движимого и недвижимого культурного наследия, так что усвоить довелось многое и важное. Отношение к этому у всех разное. Так и люди все разные.

– А сегодняшняя реальность? Похоже, она не стремится обременить себя заботами о сохранении исторической памяти. Только ли прагматизм (рынок) тому причиной? Может быть, люди подсознательно хотят быстрее забыть свое прошлое? Не есть ли это тоже своего рода постмодернизм?

– «Постмодернизм», по смыслу слова, – то, что после модернизма. А мы, на мой взгляд, по-прежнему живем в лоне модернизма – большого стиля второй половины XX – начала XXI века. Модернизм не беспамятен, но его собственная память коротка. Для модернизма если не история, то история ценностей начинается словно бы с 1917 года, с авангарда.

– Вы говорили о движимом и недвижимом культурном наследии, о том, что люди по-разному относятся к нему. Я понимаю, что первое стремятся сохранить, вторым легко пренебрегают. Почему? Первое проще поддается личной приватизации, с ним меньше хлопот?

– Скорее потому, что приватизация движимости не предполагает ее хозяйственного освоения. Если это, конечно, не средства передвижения.

– Чем Москва отличается от самой себя в разные периоды? Можно ли говорить о таких понятиях, как «лужковская» и «собянинская» Москва?

– Отличаться от самой себя в разные периоды – это, на мой взгляд, необходимое свойство столицы. Города и пространства обладают собственным «осевым временем», а свойство столиц – обновлять его. Иначе столица остается в прошлом. Москва обновляла свое «осевое время» при Иване Калите и Иване III, на выходе из Смуты и при Петре, после 1812 года и в 1917 году.

«Лужковская» Москва определенно существовала, «собянинская» – вероятно, существует. «Лужковская» – это город лихолетья с провинциальным губернатором, не понимающим, зачем тут Кремль и «федералы». «Федералы» – это было ругательство в мэрии, примерно как «орки». «Собянинская» Москва – Москва федерального наместника. Между ними есть еще разница вкусов, одинаковых лишь в том, что они одинаково плохи.

– Почему вы решили посвятить свою жизнь еще и архитектурному надзору? Это более активная, чем краеведение, форма общения с миром, более социально обостренная? Или это ваш эстетический запрос? Или какие-то иные, более глубокие причины?

– Это нежелание мириться с тем, что предмет твоих занятий и твоей любви – исчезающий предмет.

– Можно назвать это протестом вашей личной исторической памяти?

– Если угодно.

– Но есть, наверное, и объективный посыл?

– Москва – не просто одна из европейских христианских столиц, но и несомненный подлинно Третий Рим. Утрачивая статус империи, Византия могла смотреть как на преемницу, допустим, на Молдавию Стефана Великого, но подлинным центром для Восточной Европы – центром ее имперской силы – оказалась Москва. Будучи Третьим Римом, она одновременно видела себя Вторым Иерусалимом, то есть городом, ожидающим Христа. Это – двуединая формула для Москвы: Третий Рим, по силе своей, не пускает («удерживает» вовне) антихриста, Второй Иерусалим, по святости, или по благодати, ожидает Христа. Для сравнения: Киеву удавалось быть Иерусалимом, но не Римом, Петербургу – Римом, но не Иерусалимом; ни один из этих городов в обеих ипостасях не выступает. Только Москва заключает в себе полноту формулы. Может быть, еще Севастополь.

– Севастополь?

– На мой взгляд, именно Севастополь обладает свойствами Рима и Иерусалима одновременно. И Константинополя тоже.

– Откуда такое убеждение?

– Это анализ сакральной топографии и метафизики города. В дореволюционные времена статус большой Ялты как летней императорской столицы был, на мой взгляд, производным от скрытой метафизики Севастополя, а не только от южного

климата. То, что Севастополь стал третьим городом федерального подчинения, не случайно. Но речь не только о летней русской столичности. Севастополь вынесен на консоли Крыма в центр Черного моря, то есть византийского пространства. В центр между Балканами, Русью, Кавказом и Передней Азией. Центральнее только Константинополь. Возможно, здесь «точка сборки» будущего.

– Но в настоящем Москва остается Москвой. Нынешний секулярный мир не профанирует сакральность Москвы? Скажем так: Москва секулярная и Москва сорока сор*о*ков – как они уживаются?

– Я бы ответил, что быт города, его жизнь очень изменились. Если возьмемся перечитывать «Лето Господне», может даже показаться, что у автора какое-то искусственное, намеренно сладковатое изложение…

– Меня такое чувство посещало.

– Вот видите. Ощущение придуманности, реконструкции, выдачи желаемого за действительное, а не среза сословного или семейного быта. Но, думаю, картина жизни в этой книге вполне правдива. Если она идеализирована, то лишь постольку, поскольку увидена детским взглядом. Сейчас Москва, конечно, не такова.

– Не та картина и не тот взгляд?

– Не та, не тот. Например, Москва всегда была паломническим центром. Вспомним, к чьим мощам паломничали и к каким святыням прикладывались. Это непременно были святыни и мощи Успенского, Архангельского соборов, Чудова и Вознесенского монастырей, то есть мощи святителей Московских, которых в церкви поминают ежедневно, и некоторых князей и княгинь.

– И все же: изменились со временем паломнические маршруты? Ведь все это неотрывно от памяти.

– Сегодня паломники идут больше всего к Покровской заставе, на окраину старой Москвы, в Покровский монастырь, к мощам блаженной Матроны Московской. Но не к мощам святителей Петра, Ионы, Филиппа, Макария, Ермогена в Успенском соборе, Михаила Черниговского, царевича Димитрия – в Архангельском. Другой пример изменений: церковь Богоявления в Елохове осталась соборной, каковой была в советские годы, даже после возобновления Успенского собора и строительства Храма Христа Спасителя. Думаю, не случайно: она – геометрический центр так называемой Петровской Яузы, или Москвы-2 VIII века. В Елохове теперь покоятся мощи митрополита Алексия, спасенные из Чудова монастыря, и создан новый патриарший некрополь. Согласитесь, это новое в структуре города. Это преодоление петровского двоения Москвы.

– Как дети в семье: если их двое, неизбежна между ними оппозиция. Третий ребенок это соотношение выравнивает.

– Можно сказать и так. Еще одно изменение в церковной жизни совершенно очевидно. Москва Шмелева – это Москва без патриарха, Москва периода синодальной Церкви. Обратите внимание: восстановление патриаршества произошло раньше переезда большевиков из Петрограда, и это – аспект возвращения столичности. Исследовательница Наталия Николаевна Броновицкая считает, что план архитектора Щусева «Новая Москва», в котором принципиально акцентированы храмы, надо рассматривать как проект двоевластия.

– Власти светской и власти церковной?

– Да. Это город Ленина и город патриарха Тихона. Щусев был достаточно глубоким человеком, чтобы сознавать это. Глубоким и, вероятно, жившим двумя жизнями – внешней и скрытой.

– С тех пор многое изменилось. Ушли те люди. Время стало просто другим.

– Это нельзя не учитывать. Если возвращаться к размышлению о роли имперского центра Восточной Европы, можно поставить вопрос: в какой мере мы сознаем себя? Когда государство берет ответственность за Сирию – страну с огромной долей восточных христиан, оно воплощает имперское представление о роли нашей страны в мире. Но вот, скажем, выборы в Молдавии и в Болгарии: они оказались пророссийскими, однако не уверен, что Кремль знает, как закрепить результат. Программа действий в подобных случаях зависит от ответа на вопрос: мы государство-нация или государство-империя? Какую идентичность мы строим? Имперского сознания недостает. Не уверен, что как Восточный Рим мы достаточно успешны, касается ли это Нагорного Карабаха, Приднестровья и далее по списку. Не уверен, что существует последовательное представление о границах нашей ответственности. Надо согласиться, что, если Болгария, Греция, Грузия, Кипр, Македония, Молдавия, Румыния, Сербия, Украина или Черногория оказываются вне военно-оборонительного, экономического и культурного контура Восточной Европы (Армению и Белоруссию не называю), это чревато новыми перемежеваниями и новыми конфликтами. И наоборот, Словакия или Венгрия не должны оказаться по эту строну имперского контура даже в момент максимальных симпатий к нам. Восточная Европа – пространство не постсоветское, а поствизантийское. Это понимание, по-моему, недостаточно ясно выражено в политике. Стесняться ли нам слова «империя»? Подбирать ли ему какой-то эвфемизм? Думаю, слово нужно перекодировать, перекрасить, не отказываясь.

– Вернемся к Москве, с вашего позволения. Какие тенденции в развитии города вы видите?

– Единственная тенденция, которую нам предлагают, – тотальное благоустройство, косметическое обновление. Дескать, город, даже старый, не должен выглядеть ветхим. Плюс изменения транспортной схемы – вот, пожалуй, и все. Есть еще импульсы, идущие непосредственно от федеральных властей, но не существует федеральной градостроительной политики в столице. Импульсы сигнализируют о желании развивать столичность, но они случайны и разнонаправленны.

– Лужковское время было концептуально другим?

– В лужковское время федеральная власть как будто вовсе не интересовалась столицей. А Лужков находился с федеральной властью то в конфликте, как при Ельцине, то в каких-то двойственных отношениях, как при Путине и Медведеве. Результат мы видели – утрата доверия. Я уже говорил, что нынешний мэр – это, конечно, наместник федерального центра, но говорить, что градополитика в силу этого является федеральной, – затруднительно. Прямые пожелания федеральной власти – чтобы несколько застройщиков с ресурсом имели преференции. Градозащита в таких случаях оказывается перед перспективой конфликта с почти очевидным исходом. Так мы потеряли дом Болконского, а сейчас теряем Варварку, 14. Подобных адресов не очень много, но потери, как известно, имеют абсолютную, а не относительную цену.

– Вы не всегда узнаете о намерениях или действиях властей заблаговременно?

– Не всегда. Как в случае с так называемым Четырнадцатым корпусом Кремля: нам так и не объяснили, почему он должен быть непременно снесен. В другой раз возникают чисто коммерческие предложения там, где нужно действовать предельно тонко. Например, предложение вынести парламент из Охотного Ряда – московского Форума – в спальный район, чтобы… запродать старое здание инвестору. Я об этом примере говорю не впервые, поскольку он иллюстрирует отсутствие не только имперского, а вообще столично-

го мышления и представления о городе. Главное: обсуждать проекты власти, особенно проекты символического характера, как памятник князю Владимиру, просто негде. Что только ни обсуждается, но только не градоустроение!

– В таких случаях говорят: нет общественного заказа.

– Как раз общественный есть. Нет политического. В итоге получается, что мэрия вне критики, как никто другой. Парадокс: президент страны готов часами отвечать на любые вопросы журналистов или экспертов, а мэр Москвы и устроение Москвы – вне критики.

– Мне кажется, архитектура – это не столько музыка, застывшая в камне, сколько воплощенная в камне память человечества. Может быть, нам просто не по зубам решать задачи, о которых вы говорите? Градоустроение – это предмет высокой культуры. У нас же пока все проще.

– Тогда надо отдавать себе в этом отчет. Сказать, например, что у нас нет архитектурных сил или ваятелей, способных решить Боровицкую площадь, вообще создать какой-либо высокий, наполненный идеей образ.

– Но вы же знаете, мы не привыкли признаваться в том, что чего-то не умеем или делаем неправильно.

– Открою всем известный секрет: у нас скоро не станет реставраторов. А вы говорите о памяти. Абсолютно безболезненно сократить число мест на скульптурных отделениях художественных вузов, а за их счет расширить отделения реставрационные. Пока же регулярно выпускаем в избытке ваятелей, которые вступают в борьбу за заказы. Давайте «уменьшим нагрузку на почву». Или поступим как Иван III: пригласим извне тех, кто обновил бы скульптурную школу или создал бы ее заново. В этой роли могли бы, на мой взгляд, выступить армянские мастера. У них искусство работы с камнем в лоне христианской скульптуры насчитывает более полутора тысяч лет. А у нас только сменная должность «Микеланджело наших дней», то есть искусство получения эксклюзивных заказов под прикрытием высокой риторики.

– И что же: современному человеку вовсе не обязательна историческая память?

– Нет, у нас-то получается, что обязательна.

– То есть расклад – как всюду: те, кто не понимает, и те, кто понимает. Последние – это как раз вы и ваши единомышленники.

– Мы оказываемся функцией общества, но не могу сказать, что это весело.

К усилиям добровольцев – охранителей архитектурной памяти столицы нужна еще и добрая воля власть предержащих

– Поясните, пожалуйста.

– Нормальный человек предпочел бы на досуге сидеть в кафе, пить кофе за белым столиком на улице, а не бежать на Варварку митинговать под забором стройки. Понятно, что все общество заниматься этим не может, вот и получается, что градозащитники – функция целого общества в определенном аспекте. Градозащитникам делегировано особое полномочие – как бы аккуратнее выразиться – стоять от лица живых за мертвых.

– Как это?

– Например, Пушкинский музей получил усадьбу Вяземских – главный адрес Карамзина в Москве, городской аналог Остафьева. Музей не просто превращает усадебный дом в художественную галерею, что было бы отлично, но и проектирует под ним четыре подземных этажа с риском обрушения здания XVII века. Это делается в интересах развития музея как такового, для расширения демонстрационных площадей и служебных помещений. Есть кто-то, кто стоит за музей. Но вот вопрос: кто же стоит за Карамзина? Или взять соседний дом, тоже переданный музею, – князей Голицыных. Это главный сохранившийся в старой Москве личный адрес Екатерины II (Петровский дворец стоит за чертой городского вала XVIII века). Здесь императрица даже родила, от Потемкина. Дом был надстроен двумя этажами в советские годы. Получив его, главный художественный музей столицы мог бы вернуть дому первоначальный вид; но нет, музей борется за надстройку, готов перевести ее в новый материал, то есть создать уже третий архитектурный образ, вместо того чтобы вернуться к первому. Тот же вопрос: кто в этой ситуации стоит за Екатерину? За Потемкина? За великого архитектора Казакова, который превращал дом Голицына в царскую резиденцию? Оказывается, только градозащитники. Они стоят за великих мертвых. Зато есть надежда, что и великие мертвые стоят за нас.

– Не боясь красивых слов: вы занимаетесь благородным, но не благодарным делом. Чего больше в этой части вашей жизни: радостей или разочарований?

– Если спросить иначе: все ли было сделано из того, что могли? – в ответе будет преобладать разочарование. Задним числом всегда кажется, что был еще какой-то неиспользованный ход, прием; что-то упущено. Статистику побед и поражений мы не ведем. Но поражение всегда заметно, потому что в нашем случае это гибель наследия. Был дом – и не стало. А победы зачастую одерживаются на ранних стадиях: отследили замысел, добились отмены распоряжения, инвестору указано на дверь… Это часто невидимые, непубличные усилия, к тому же оформленные актами органов власти. Поэтому в градозащитном движении преобладают люди, умеющие бежать длинную дистанцию. Стайеры, не спринтеры. Они правильно дышат, понимают, что очередная история – не первая и не последняя, и способны не превращаться в циников, как бывает в других профессиях, связанных с утратами. У многих своя память больших и маленьких побед (вот мы и вернулись к теме памяти). Думаю, что город отвечает им добром. Еще при этой жизни.

Скажите, пожалуйста...

Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...

	Елена Баженова *певица,* *заслуженная артистка России*	*Владимир Николаевич Орлов* *государственный служащий*	*Стелла* *школьница*
			
Технический прогресс облегчил память человека или, напротив, нагрузил ее?	В чем-то нагрузил, а в чем-то разучил думать. Поискала в интернете какие-то сведения, а думать и искать не надо в литературе, книгах.	Технический прогресс никак не влияет на память. Это лишь дополнительные источники информации. Человек может развивать память сам, какими-то тренировками.	Технический прогресс облегчил память человека. Он не нагружает мою память.
Вы предпочитаете хранить информацию в памяти или на отдельных носителях?	Пока позволяет память, стараюсь в памяти держать, а что-то на носителях, в компьютере. Например, мои «минусовки», то есть аккомпанемент, аранжировки, держу в компьютере.	Все в памяти хранить невозможно. Конечно, есть приспособления, и они должны быть – бумажные, электронные носители. Важно знать, где лежит нужная информация, и добыть ее.	Я предпочитаю держать информацию на отдельных носителях, потому что в памяти много всего и можно что-то забыть.
Какими источниками информации вы предпочитаете пользоваться: интернетом, книгами, собственной памятью?	Если в памяти чего-то не хватает, приходится чаще пользоваться интернетом, чем книгами, потому что книги в доме в основном художественные.	Пользуюсь всеми доступными средствами. Это связано с тем, что подхожу к периоду, когда память как бы стирается, какие-то моменты, источники жизни забываются.	Больше всего – интернетом.
Если бы была возможность, что вы выбрали бы: обходиться только своей памятью или только кнопками вызова информации?	Я, конечно, выбираю память. В другом возрасте, возможно, сказала бы что-то другое.	Я бы ни от чего не отказался, и прежде всего от средств технических, которые позволяют человеку пользоваться источниками информации, не напрягая своей памяти.	Предпочла бы обходиться только своей памятью.
Влияет ли ваша память на ваше поведение, на ваши чувства, поступки, на ваши решения?	Очень влияет на все – на жизнь, на поведение, на мысли и на поступки.	Память – это бремя, ответственность. Если ты стираешь память, то становишься свободным от прошлого, и непонятно, какие действия можешь совершить в будущем.	Память влияет только на мои решения, а ни на что другое не влияет.
Человек без памяти – это человек… Завершите эту мысль.	Человек без памяти – как листок, оторвавшийся от дерева. Это человек без всего, без стержня, без головы.	Человек без памяти – это человек без прошлого и настоящего.	Человек без памяти – это человек, который ничего не помнит и не знает.

ДЛЯ ЧЕГО СОВРЕМЕННОМУ ЧЕЛОВЕКУ ПАМЯТЬ?

Анкета «Лампады»

Александр *юрист*	*Елена Орлова* *домохозяйка*	*Анатолий* *товаровед*	*Нина Ивановна* *пенсионерка*
			
Я думаю, что нагрузил.	Технический прогресс очень нагрузил человека, чему я не рада. Это в сравнении с прошлым, а я все-таки рождена в Советском Союзе: тогда не было поглощения нашей жизни интернетом.	Мне кажется, что технический прогресс облегчил память человека, но внешние носители соблазняют перекладывать ответственность с себя на разные вспомогательные средства.	Конечно, облегчил многим, особенно нам, пенсионерам.
Конечно, в памяти, потому что когда куда-то что-то скидываешь, потом, как правило, уже об этом не думаешь, забываешь.	Вы знаете, я таблицу Менделеева забыла. Вот вам результат, потому что мы так привыкли, чтобы кто-то за нас решал, в памяти перестали хранить какие-то важные вещи.	Большей частью стараюсь держать в своей памяти, потому что это самый верный способ хранения информации. Носители всегда могут подвести, потеряться.	Хорошо иметь свою память, если нужно, можно записать в блокнотик.
Я пользуюсь всеми источниками – интернетом, книгами и памятью. Конечно, интернет удобнее, потому что всегда под рукой.	На первом плане стоит интернет, затем книги. Книги ты ценишь по старому воспитанию, как и семейный фотоальбом. А если фотографии хранишь в интернете, это может накрыться в один миг.	Предпочитаю пользоваться интернетом, потому что он всегда в открытом доступе. К тому же есть источники, которые выкладывают правдивую, а не путаную информацию.	Памятью, книгами, записями.
Конечно, стал бы пользоваться своей памятью.	Я выберу только память, потому что я человек старшего поколения и раньше все было направлено на то, чтобы человек мыслил. Я противник интернета, хотя в нем есть и плюсы.	Я бы выбрал память. Для меня это самый надежный, доступный и заслуживающий доверия источник информации.	У меня нет никакой кнопки, компьютера, и я надеюсь только на свою память. Память надо постоянно тренировать, иначе с годами она вообще может атрофироваться.
Влияет, конечно, причем всесторонне.	Я думаю, да.	Безусловно, память влияет на поведение каждого из нас.	Конечно, влияет на поведение, на чувства, на решения. Если памяти нет, то нарушается то, что ты намечал.
Человек без памяти – это человек без души.	Человек без памяти – это овощ, никто и ничто.	Человек без памяти – это человек не только без прошлого, но и без будущего, несмотря на все услуги, которые ему предлагает технический прогресс.	Человек без памяти – это человек, который мало нужный на этой земле. Он не помнит, для чего он живет, что он хочет сделать. Ходит такой потерянный…

Груз памяти помогает человеку не согнуться

– Нужна ли современному человеку память? Ведь сегодня существует столько способов хранения и добывания информации.

– Ученые уже давно отмечают деградацию интеллектуальной природы человека. Простой пример – люди разучились считать в уме, эту работу выполняет калькулятор. Мозг, не загруженный работой, как и любая мышца, атрофируется. Я помню, когда писал диплом и пользовался арифмометром, с одной стороны, этому радовался, так как упрощал себе рутинную часть работы, а с другой – начинал чувствовать свою зависимость от него. Технический прогресс, как вообще все в мире, нельзя рисовать одной краской, он имеет две стороны. У сегодняшних молодых людей отношения с памятью становятся серьезной проблемой, не всегда осознаваемой ими в полном объеме. Для меня это очень актуальная тема – я порой впадаю в брюзжание, но от правды никуда не деться: общество ушло в формат потребления. А это неизбежно порождает клиповое сознание: главное – быстро ухватить то, что может быть легко употреблено. Не надо вникать, не надо вдумываться, восприятие жизни становится поверхностным, нет глубины. По этому пути идет и сегодняшняя школа: тесты, анкеты из двух – четырех вопросов не обязательно требуют знания, можно положиться на везение, на знаменитое авось. А если не думать, не будет никакого движения, процесс развития остановится. Сегодня еще живет инерция старой школы развития человека. Но это не вечно. Что нас ждет? Интеллектуальная пустыня?

– А вы уверены, что люди молодого поколения, о которых вы сейчас говорите, думают так же, как вы? Что их ждет пустыня? Может быть, они считают ваш цветущий сад прошлого дремучим лесом?

– Можно сделать интеллектуальную, нравственную, духовную – называйте как хотите – инвентаризацию и сравнить. Возьмите поэзию, музыку, театр, кинематограф. Что сделано молодыми, например, в нашей стране за последние 25 лет? Такого, что будет востребовано еще через 25 лет? Я уже не говорю про 100 и более. Хотя бы через 25! НИ-ЧЕГО. Винить время – очень удобная позиция, чтобы оправдать себя. Но время наполняем содержанием мы, люди.

Собеседник «Лампады» – Алексей Ильич Кедринский, праправнук духовника Царской семьи и генеральный директор компании «Серебряный Век».

– Формат потребления, как вы назвали современное общество, алчет одноразового инструментария, будь то песня, чтиво или попкорн. Нетленки не требуют беспрерывного производственного конвейера. Это противоречит закону потребления.

– Совершенно верно.

– А отсюда логический вывод: юзеру память не нужна.

– Как ни печально, но это так.

– Как вы думаете, почему это происходит?

– Как существо по природе ленивое, человек идет по пути наименьшего сопротивления. Для чего он придумал, скажем, телевизионный пульт? Чтобы, лежа на диване, переключать каналы, что существенно повысило эффективность потребления телепродукта. Пример примитивный, но достаточно, по-моему, показательный. Через 5–7 лет прогнозируется появление телефонов, имплантируемых в тело человека. При этом мощность этих устройств будет превышать самые мощные на сегодняшний день компьютеры. Человек все дальше удаляется от своей природы в сторону киборга. А киборгу человеческая память не нужна, у него будет своя, гораздо мощнее и надежнее. Сегодня таблица умножения является анахронизмом. Но далеко не все представляют, что знание таблицы умножения – это своего рода алгоритм решения многих задач, весьма далеких от арифметики.

– Но это, мне кажется, и не очень заботит нашего современника. Потому он и не отягощает свою память, не загружает свой жесткий диск, а старается использовать сторонние носители. Так?

– Технический прогресс с его возможностями избавляет человека от необходимости использовать свою память в качестве единственного посредника между самим человеком и окружающим его океаном информации.

– Хорошо, а память формирует человека?

– Безусловно. Человек во многом зависит от того, какие книги он читал, какие песни слушал, с кем, наконец, общался, чьи мысли, советы, чей опыт применял в своей практике. Какая культура была в семье. Без памяти все перечисленное – мимотекущая вода. Есть музыкальный магазин, который я посещаю каждую неделю, выискивая что-нибудь интересное из новых поступлений. Вот уже год, как отдел с винилом начал уменьшаться, а его место занимают незнакомые для меня уродливые кукольные персонажи. «Это кто? – спрашиваю я у продавца. «Это герои новых модных сериалов, которых все любят». И это так символично, когда настоящая музыка вытесняется пластмассовыми уродами.

– Ваш проект «Живая Память», простите, выглядит анахронизмом на фоне этого балагана.

– Возможно, он несколько старомоден, хотя в нем и присутствуют современные технологии. Но в этой архаичности для меня кроется глубокий смысл. Она – как мост из прошлого в завтрашний день. Ведь между ними огромный разрыв, можно сказать, пропасть. Такое впечатление, что нынешние молодые люди утратили способность оборачиваться. Но, как оказалось, к счастью, не все. «Бессмертный полк», мне кажется, многих хорошо встряхнул. Значит, у нас есть надежда, а вместе с ней – и будущее. Наш проект направлен именно на это. Мы очень рассчитываем на то, что школы проникнутся нашей идеей. Мы обращаемся к семейной памяти. Ребенок прихо-

дит домой и говорит родителям: «У нас такой вот конкурс. А ты, мама, расскажи мне еще раз про своего дедушку. Как он воевал». И семья начинает вспоминать… И так – по всей стране. Представляете?! Сотни тысяч людей обращаются памятью к прошлому, вспоминают своих родителей, достают семейные альбомы, всматриваются в родные и далекие лица…

– Как вы отнесетесь к такой мысли? Стремление человека к прошлому – насыщение его памяти, восстановление традиций – это неосознанное стремление человека к Богу, от Которого он ушел когда-то?

– Вполне допускаю такую мысль.

– Насколько я понял, вы не религиозный человек?

– Так уж сложилось… Хотя мой прапрадед был духовником Царской семьи в 1910–1914 годы. Протоиерей Николай Кедринский. Так что корни есть.

– Корни есть у каждого человека, потому что каждый – создание Божие. В Евангелии есть притча о зернах, которые посеяны – одно при дороге, другое на камнях, третье на доброй почве, и о том, что из этого вышло. Может, и ваше зерно еще ждет своего часа.

– Возможно… Чем больше у человека корней, тем устойчивее он на земле. Наверняка были глубокие корни у тех, кого мы выводим героями наших говорящих картин.

– Вы имеете в виду наших известных военачальников и других героев войны?

– Их как раз в меньшей степени. Для презентации проекта действительно нужны знакомые имена. Но главная наша задача – подвигнуть людей на поиск новых героев, и в первую очередь среди своих близких. Тех, кто в трудную минуту сделал правильный нравственный выбор. Таких историй у нас очень много. Совершенно конкретных, с именами, подтвержденных документально. Например: молодой мальчишка после ленинградской блокады попадает в воинскую часть. Чистит оружие и случайным выстрелом убивает человека. Штрафбат. И в первом же бою он совершает подвиг Матросова – закрывает собой огневую точку противника. Единственный Герой Союза среди штрафников. Помню, как на одном из круглых столов мне процитировали модного режиссера Кирилла Серебренникова, который сказал, что патриотизм не в том, чтобы умереть за Родину, а в том, чтобы жить за нее. Я спросил: «А тот мальчишка, вы думаете, не хотел жить за Родину?». Ответа я не услышал. Наши герои – это камертон, некая настройка души…

– А откуда вы берете эти истории? С известными понятно, а неизвестные?

– Из архивов.

– То есть вы сами с ними работаете?

– У нас есть замечательный автор и исполнитель радиоспектаклей в одном лице – это уникальный актер Федор Степанов. Кстати, единственный в России обладатель награды от Большого жюри New York Festivals Radio Program and Promotion Awards. Это своего рода «радийный Оскар». Федор работает со многими источниками, в том числе архивными. Как он говорит, эти истории пишутся кровью. Сколько их он пропустил через себя!.. А теперь мы хотим, чтобы они прошли через каждое сердце.

Говорит Память

Инновационная компания «Серебряный Век» разработала новый аудиовизуальный формат – говорящие картины, посвященные известным людям.

Уникальные картины изготавливаются по 3D технологии с элементами анимации. Когда зрители подходят к картине, загорается нарисованная свеча памяти, пламя ее колеблется, оживают другие детали, взлетает победный салют. В этом эффекте заложен глубокий психологический смысл: зритель будто бы сам зажигает свечу и салютует герою.

При наведении на картину смартфона воспроизводится радиоспектакль о герое, которому она посвящена.

Коллекция предназначена для школьных музеев боевой славы, стен памяти в образовательных учреждениях, посвященных великому подвигу советского народа.

Радиоспектакль, записанный в каждой картине, ведется от первого лица и переносит слушателя в то грозное время, делая его живым свидетелем подвига, совершенного героем.

Образцы первой коллекции из десяти говорящих картин направлены в органы образования регионов и получили высокую оценку. Высказано общее пожелание дополнить стену памяти новыми именами.

Компания «Серебряный Век» вместе с Союзом журналистов России и другими партнерами объявила с 5 декабря Всероссийский конкурс проектов говорящих картин «Живая Память», посвященных землякам-героям. Участники конкурса – школьники и студенты.

В Центральном доме журналиста состоялась презентация проекта в рамках патриотического клуба «Катюша» под председательством Луизы Гладышевой.

Подробности на сайте: www.memory.live

Священник Сергий Ванюков

«Возбра́нный Чудотво́рче и изря́дный уго́дниче Христо́в...»

(*слово на праздник святителя Николая*)

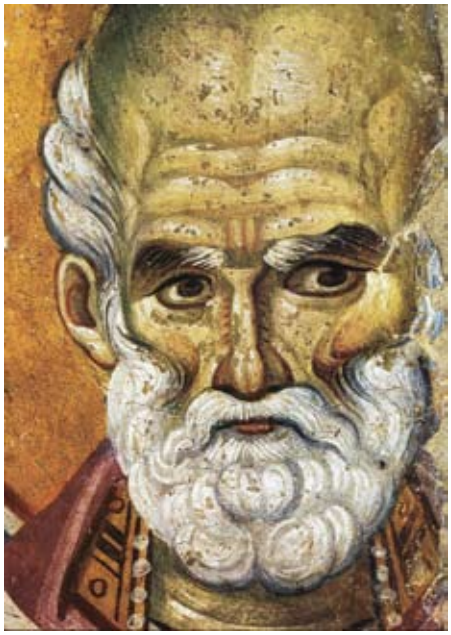
«Нико́лае блаже́нне, Владыки искренний ученик ты быв, спаса́еши к тебе притека́ющия от лютых бед...» (1-й канон свт. Николаю в службе 6 декабря, песнь 3-я, тропарь 1-й).

Такими словами, братья и сестры, Святая Церковь прославляет одного из самых почитаемых святых, память которого мы празднуем сегодня, – святителя и чудотворца Николая.

Святитель Николай жил во 2-й половине III – 1-й половине IV века и был архиепископом города Миры Ликийские (сейчас этот город называется Демре и находится на территории Турции). Об этом святом осталось не много исторически достоверных сведений. Однако святитель Николай на протяжении веков настолько почитался Церковью, что, например, на Руси он стал, наверное, самым известным святым. Об этом свидетельствует и множество построенных в честь святителя Николая храмов в городах и селах, и количество младенцев, которые нарекаются этим именем в таинстве Крещения. В богослужении Православной Церкви святитель Николай также занимает особое место. Еженедельно на службах четверга он прославляется вместе с апостолами Христовыми, поэтому можно сказать, что жизненный подвиг святителя в значительной степени приравнивается Церковью к апостольскому служению учеников Спасителя.

Невольно обращаешься к образу жизни святителя Николая, когда начинаешь размышлять о том, почему такое внимание уделено именно этому святому в православном богослужении и в чем причина такой глубокой и искренней любви к святителю со стороны христиан, которую мы можем видеть и на православном Востоке, и в особенности на Руси.

По словам святого Андрея Критского, при жизни святитель Николай являлся к людям, обремененным различными бедствиями, подавал им помощь и спасал их от смерти. Вот какими вдохновенными словами воспевает он святителя: «Своими делами и добродетельной жизнью святитель Николай сиял в Мирах, как звезда утренняя среди облаков, как месяц красивый в полнолунии своем. Для Церкви Христовой он был ярко сияющим солнцем, украшал ее, как лилия при источнике, был для нее миром благоуханным!».

В акафисте святителю Николаю, восходящем к XIV веку и являющемся одним из самых древних образцов этого гимнографического жанра, упоминается несколько событий из жизни святого, которые настолько прочно вошли в Предание Церкви, что известны почти каждому православному христианину. Одному обнищавшему отцу семейства святитель тайно подбросил золото, необходимое для замужества трех дочерей, и тем спас их от грехопадения. Во время паломничества Святого в Иерусалим разразилась сильная буря, и плывущие на корабле в отчаянии умоляли угодника Божия помочь им; по его молитвам буря утихла, а упавший с мачты и разбившийся корабельщик встал невредимым. Однажды святитель чудесным образом избавил от смерти трех военачальников, которые были оклеветаны перед императором Константином. В ночь перед казнью святой Николай явился во сне императору и повелел отменить приговор и отпустить неправедно осужденных. Повествуется в акафисте и о том, что святитель Николай, будучи в 325 году участником Первого Вселенского Собора, резко выступил против богохульства Ария и защищал православное учение о Пресвятой Троице и единосущии Сына Отцу.

От житий не всегда можно требовать полной исторической достоверности, они на нее и не претендуют. Житие – это словесная икона святого, оно рисует его духовный облик, говорит о значимости того или иного святого для Церкви. Святитель Николай именуется в тропаре «правилом веры и образом кротости». Взирая на его икону, читая его жизнеописание, мы понимаем, что таков должен быть православный архиерей (Евр. 7:26), священник да и всякий верующий во Христа. Апостольское чтение, назначаемое Уставом на Божественной литургии в праздник святителя Николая, призывает нас к почтительному отношению к наставникам, «ибо они неусыпно пекутся о душах» наших, подражая Пастыреначальнику Господу Иисусу Христу (Евр. 13:17–21). И тут нельзя не упомянуть о тех чудесах, которые совершаются святителем Николаем уже после его кончины. Опыт Церкви подсказывает, что неким таинственным образом то, что мы узнаем о святом из его жития, соответствует тому, что происходит с людьми, потому что чудеса, описанные в житии, многократно повторяются в опыте многих и многих людей.

Почитание Святителя, которое мы можем наблюдать у христиан в разных странах, произошло не по какой иной причине, как только потому, что в опыте – и в жизненном, и в духовном опыте – сотен, тысяч и миллионов людей святитель Николай сыграл какую-то очень существенную роль. То есть люди молились ему и получали ответы на эти молитвы. Люди обращались к нему за помощью – и совершались чудеса.

Поскольку еще при жизни своей святитель Николай прославился как умиротворитель враждующих, защитник невинно осужденных и избавитель от внезапной смерти, многие христиане обращаются к нему в тяжелых обстоятельствах жизни и получают помощь, избавление от скорби и утешение. Святой Николай многократно помогал людям, терпящим бедствие на море, поэтому он традиционно воспринимается как покровитель моряков и путешествующих. И это опыт не только людей древности, но и наших современников.

Таким образом, Церковь уверенно свидетельствует, что святитель Николай, который при жизни своей был благодетелем рода человеческого, не перестал им быть и после своей смерти и поэтому предстательствует пред Престолом Божиим за каждого, кто обращается к

нему за помощью. Господь сподобил его честно́е тело нетления и особой благодатной силы. Мощи его, пребывающие ныне в итальянском городе Бари, еще в древности начали (и продолжают по сей день) источать благоуханное миро, обладающее даром чудотворения. Поэтому, собственно, и не иссякает поток паломников к этой святыне, а только год от года увеличивается.

В этом и состоит ответ на вопрос, почему почитание святителя Николая так велико. В Церкви сохраняется живая, реальная связь каждого из нас со Святителем. Мы с вами обращаемся к нему в молитвах и слышим ответ. Пребывать в Церкви, молиться, причащаться Святых Христовых Таин – это значит соприкасаться с вечностью, приобщаться духовному миру, которого мы пока не видим, но который так же реален, и даже более реален, чем видимый мир вокруг нас. Мы входим в соприкосновение с Богом через таинства и молитвы и получаем Его Божественный дар – благодать, которая укрепляет нас на пути следования за Христом. Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Для того благодать Духа и описала для нас жизнь и деятельность всех святых... чтобы мы узнали, как они, будучи одного с нами естества, совершили всякую добродетель, чтобы и мы не ленились подвизаться в ней».

На Божественной литургии в праздник святителя Николая нам предлагается евангельское повествование, в котором мы слышим заповеди блаженств (Лк. 6:17–23). Это свидетельство твердой убежденности Церкви в том, что своей жизнью святитель Николай явил образец в исполнении этих заповедей. Но будучи образцом, которому и нам необходимо следовать, он имеет особое дерзновение пред Богом помогать ищущим спасения, поскольку, по слову Апостола, «искушен быв, может и искушаемым помощи» (Евр. 2:18).

Обратимся же, дорогие братья и сестры, с молитвой к святителю Николаю, дабы по его предстательству даровал нам Господь твердость в вере, нелицемерную кротость, любовь, терпение, а также подлинное смирение, которым приобретается, по слову святителя Серафима (Соболева), архиепископа Богучарского, «вся высота нравственной христианской жизни и все богатство благодати Святаго Духа». Да достигнем и мы, молитвами святителя Николая, той благодатной духовной радости о Господе, к которой призывает нас апостол Павел в своем Послании к Филиппийцам (Флп. 4:4) и которая, постоянно пребывая в сердце великого угодника Божия – святителя и чудотворца Николая, обильно изливается на всех, кто с верою и любовию обращается к нему.

Перед крестным ходом в честь открытия памятника святителю Николаю. Первый слева – Валентин Курбатов, приславший нам эти снимки и стихи Николая Беседина

...Оказалось, что это не мы открыли памятник, а он открыл нас, стал нашим путеводным указанием, чтобы нам быть начеку, лучше слышать глубину своего сердца и понимать, что христианская история — это не то, что было, а то, что вечно есть и что только ждет нашей готовности выйти в дорогу и уже не останавливаться...

Николай Беседин

СВЯТИТЕЛЬ

Из Москвы, где холодно и сыро,
Самолет нас перенес туда,
Где в Ликии древней тени Мирра
В гавани баюкает вода.
Там над храмом встали минареты,
Пленника бессонно сторожа,
Там теплом паломников согрета
Божьего Угодника душа.
Вниз по металлическим ступеням,
Где прохладой дышит тишина,
Где из-под безликих наслоений
Древние восходят письмена.
Дар священный – выцветшие фрески,
Своды меж сплетения окон,
Что когда-то утопали в блеске
Алтаря и храмовых икон.
Рака, где святого Николая
Мощи, как святыню, берегли –
До поры, когда, оберегая,
В италийский град перенесли.
Влажный воздух тело обласкает,
Ладаном невидимым пахнет,
Я невольно голову склоняю
В поясном поклоне у ворот.
Кажется, сейчас, легко ступая,
Подойдет святитель Николай
И улыбка добрая, простая
Словно двери приоткроет в рай.
И тогда расправит радость крылья,
Я такую никогда не знал,
Вспоминая, как без Бога жили,
Хоть и рядом Храм любви стоял.
А потом парил над древней Миррой
Амфоры считал на дне морском.
Пил я раку на рыбацком пире,
Запивая козьим молоком.
Путь обратный шел в горах, петляя,
Где обрывы скалили клыки.
И глаза святого Николая
Вслед глядели нам из-под руки.
2016

Вадим Рутковский

Русский мир Бориса Зайцева

«Родные Пенаты» – новая рубрика, которую «Лампада» постарается сделать постоянной. Сознательно вызывая ассоциацию с усадьбой Ильи Ефимовича Репина, для которого Пенаты стали символом родового гнезда, мы хотим донести до наших читателей мысль: творчество связано с родиной художника, как дерево корнями – с землей.

Мы открываем рубрику очерком о писателе Борисе Константиновиче Зайцеве, чья жизнь разделилась почти пополам – на родине и в эмиграции, на чужбине. Типичная судьба для послереволюционной России. И очень убедительный пример того, что Пенаты – понятие не только географическое. Это еще и то, что живет в твоем сердце.

В 1928 году с 21 июня по 1 августа Борис Константинович Зайцев гостил у Ивана Алексеевича Бунина на вилле «Бельведер» на юге Франции в местечке Грасс. «Без Бориса Константиновича, – писала Вера Николаевна (жена Бунина) после отъезда гостя, – стало немного грустно; в нем – такая светлость, религиозность». Наверное, только русский человек, живущий вне родины, мог заметить эти черты в соотечественнике-эмигранте. Сколько еще должно пройти лет, чтобы в наших сердцах затянулась эта рана? Впрочем, нужно ли ей затягиваться? Не уйдет ли вместе с выздоровлением высокое и прекрасное чувство ностальгии? Не знаю, не знаю…

Ко времени визита к Бунину Зайцев уж шесть лет живет за границей, последние четыре – в Париже. Ему уже сорок семь, земная жизнь, по Данте, пройдена до половины. Светлость, и религиозность, привезенные им с собой в эмиграцию, едва ли не главный его духовный багаж. Тем, кто хочет понять, почему так, советую вернуться в детство и юность писателя. Они прошли вблизи величайших святынь русского православия, но он долгое время оставался к ним равнодушен. Зайцев несколько лет жил неподалеку от Оптиной пустыни, но ни разу не побывал в ней. Часто проезжал в имение отца через саровский лес, но саровская обитель не вызывала у него никакого интереса. И только в эмиграции он постепенно постигает их великое духовное значение и в своих произведениях совершает мысленные паломничества в свои Пенаты.

«От великих лугов, как от неба и моря, в душе остается ощущение покоя», – с таким авторским заявлением мы сталкиваемся на страницах большого рассказа Бориса Зайцева «Студент Бенедиктов». В нем же читаем:

«Бенедиктов перелез через канаву и вышел в луга. Эти луга были необозримы. Они тянулись на десятки верст, как нередко бывает в Рязанской губернии, и сейчас по ним стояли копны – знаменитейшее русское воинство».

Борис Константинович Зайцев родился 10 февраля 1881 года в Орле, откуда родом Иван Сергеевич Тургенев и Леонид Николаевич Андреев. С Орлом связано раннее детство Николая Семеновича Лескова. В Орловской губернии делали свои первые шаги по земле и учились складывать буквы в слова Афанасий Афанасьевич Фет и Иван Алексеевич Бунин.

В прозе Зайцева трудно разглядеть конкретные орловские впечатления, однако здешние, как и близкие калужские и тульские, места, вся верхняя и средняя Ока для него – олицетворение России – ее природы и духовного наследия.

Отец Бориса был талантливым горным инженером и прочил своему сыну такое же будущее. Один из чугунолитейных заводов, которыми управлял Константин Николаевич Зайцев, располагался в Жиздринском уезде Калужской губернии, в селе Усты. Кто паломничал в Оптину пустынь, хорошо знает красоту здешних мест. Уже в эмиграции Борис Зайцев написал о своих детских впечатлениях:

«Когда я был ребенком, мы жили в Жиздринском уезде Калужской губернии, в селе Усты. На лето выезжали иногда в имение отца под Калугу, на Оке. Ездили на лошадях с кормежками и отдыхали в пути с медлительною основательностью прошлого. Правда, в этой основательности было и такое вхождение в Россию, такая жизненная с ней близость, какой не могут дать быстрые передвижения. И вот сейчас – через столько лет! – как живые видишь Брынские леса, березы большака под Козельском, осенние зеленя у Перемышля…

В Козельске ночевали. Этот городок мне всегда нравился – Сухиничи и Перемышль просто захолустье, убожество, тоска уездного городишки, но в Козельске лучше и поэтичней: много церквей, зелени, все понарядней, чудесный луг по Жиздре, а за нею бор, в нем знаменитый монастырь – кажется, купола его видны и из Козельска».

Воспоминания детства легли в основу многих его произведений, созданных как в России, так и в эмиграции. Примечательно, что, живя заграницей, Зайцев

все равно продолжал писать преимущественно о своей родной земле. В посвященном детству романе «Тишина» (закончен в эмиграции в 1939 г., издан в 1948 г.) подробно описывается неторопливый российский быт конца XIX века, мир благополучного, но отнюдь не безмятежного созревания, путешествия по Оке на пароходе «Владимир Святой» от Калуги к Алексину – все окутано дымкой печали изгнанника.

Как религиозный писатель, осознающий себя наследником творческого и духовного достояния Достоевского, Лескова, Чехова, Борис Константинович в своих произведениях развивает тему «маленького человека». В интерпретации Зайцева «маленький человек» может обрести силу и защиту только тогда, когда он верит в Бога, понимает и чувствует связь с родной землей и старается максимально приблизиться к Церкви. В рассказе «Студент Бенедиктов» есть удивительное место:

«Он замолк, и замолкло все в его душе. Он сидел в оцепенении, без сил, без воли, уставившись в одну точку. Неизвестно откуда и почему, предстало перед ним в ту минуту видение – далекое, детское. Он внезапно увидел весеннюю ночь под праздник Пасхи. Он, мальчик, переезжает на пароме разлившуюся Оку. Разлилась она бесконечно, затопила луга, кусты, и жутко смотреть в ее темень маленькому человеку. Но он возвращается домой, на каникулы, дома ждет мать. В церкви, на том берегу, огоньки, это пасхальная заутреня. Звезды на небе чисты. Золотой свет их, золотое сияние заутрени не даст в обиду маленького человека. И он стоит у борта парома, слышит, как жуют и посапывают лошади. К нему близится далекий, родной край».

Родной край – вот то, что превращает «маленького человека» в Человека. Без родного края человек становится вечным путником, неприкаянным скитальцем. Всюду быть гостем (где-то желанным, где-то – не очень) – это по-настоящему ужасно и трагично. Зайцев пишет вроде бы не о себе, но это только «вроде бы».

Перечитывая прозу Зайцева, я часто задаюсь вопросом: откуда такая мощь в описаниях в общем-то довольно скромных, порой аскетичных российских пейзажей? И отвечаю себе: персонажи Зайцева смотрят на мир глазами автора, а они сродни глазам Саврасова,

Борис Константинович Зайцев

Шишкина, Куинджи, Васильева, Поленова, Левитана. Как и у них, у писателя было свое, уникальное видение и понимание метафизической сущности России с ее бескрайним небом, в котором отражается вечная красота ее храмов, монастырей, деревень, городов, лугов, лесов, рек, озер, морей, холмов и гор – всего, что составляло русский мир Бориса Зайцева.

Особенно дорого сердцу писателя Притыкино – маленькое имение в Каширском уезде, купленное еще его отцом. Зайцев часто и подолгу живал там, принимал друзей, например философа Льва Шестова. Там он спасал от голодной смерти в 1920 году дочь Марины Цветаевой Ариадну. В Притыкине им многое создано, многое передумано и пережито. Там ему как бы вновь открылась российская деревня – и в мирную, сравнительно сытую, спокойную пору, и в годину испытаний мировой и гражданской войн. В самый канун приближающихся событий, потрясших Россию, буквально за неделю до объявления войны он писал в Швейцарию близкому другу Георгию Чулкову: «Мне что-то опять начинает нравиться русская деревня, и на днях не показалась даже дикой мысль прожить здесь зиму».

Деревня как символ России присутствует во многих произведениях Бориса Зайцева. Часто деревня предстает местом, где словно остановилось историческое время. Читаешь – и находит такое чувство, как при молитве. Один из ярких примеров нам преподносит рассказ «Путники»:

«Казмин стал у окна. Опять шли поля – не совсем ему родные, все же наши, русские. Деревни были редки и огромны, церкви тяжеловаты, с серебристыми куполами. Пахать крестьяне выезжали таборами за много верст: пахали еще сохами. Грачи ходили за ними. Далекие ровные горизонты открывались, и казалось, туда, на восток, лежат все такие же необъятные земли: Скифия, кочевники, курганы в степях. Набегали с юга тучи, из-за Каспия; поезд погружался в полосу дождей, а потом вновь светило солнце, блестя в куполах церквей, в лужах на станциях. Открывались голубые дали, и все тот же русский пахарь в них ходил за древней сохой. Мужики сменялись мужиками, поля – дубовыми лесочками, оврагами; станции уходили назад с детишками, предлагающими молоко. Не было этому конца-краю».

Борис Константинович Зайцев прожил долгую жизнь. Он умер 26 января 1972 года в Париже, дожив до 91 года. На родной земле он жил и работал всего сорок с небольшим лет, остальная часть жизни – на чужбине. Он бывал в Италии, на Афоне, в Финляндии, долго жил во Франции. Переводы его книг выходили в Испании, США, Японии, Голландии, Великобритании, Италии, Франции, Германии, Болгарии, Венгрии, Югославии, Чехословакии. Но до конца дней главные путешествия и паломничества силою своей любви и памяти он совершал с помощью пера и бумаги по далекой родной России. Об этом он написал в своем «Дневнике писателя»:

«Все это происходило так ужасно давно! Мест, где прошло мое раннее детство, я не видал десятки лет. Жизнь изменилась безмерно. Вероятно, нет нашего белого двухэтажного дома в Устах, ничего не осталось от усадьбы в Будакове, под Калугою, куда мы ездили… Мне недавно пришлось у знакомых читать описание пасхальной ночи – оттуда. Как сияла огнями сельская церковь за рекой, как река разлилась и надо было в лодке плыть к заутрене – я знаю и сам, как черны эти ночи пасхальные у нас в деревне, как жгут звезды, как плывут, дробятся отраженья плошек и фонариков в реке, как чудно и таинственно – плыть по воде святою ночью. Далекий разлив, тьма, благовест… Да воскреснет Бог и да расточатся враги Его».

«...Козельск древний благородный городок... это Русь вековая, прославленная». Б. Зайцев. Дневник писателя

Оптина пустынь. Храм во имя Казанской иконы Божией Матери

Борис Константинович Зайцев

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ «ГОЛУБАЯ ЗВЕЗДА»

Через несколько дней, незадолго до Рождества, Машура медленно шла утром к Знаменке. Из Александровского училища шеренгой выходили юнкера с папками, строились, зябко подрагивая ногами, собираясь в Дорогомилово, на съемку. Машура обогнула угол каменного их здания и мимо Знаменской церкви, глядящей в окна мерзнущих юнкеров, направилась в переулок. Было тихо, слегка туманно. Галки орали на деревьях. Со двора училища свозили снег: медленно брел старенький артиллерийский генерал, подняв воротник, шмурыгая закованными калошами. Машура взяла налево в ворота, к роскошному особняку, где за зеркальными стеклами жили картины. Ей казалось, что этот день как-то особенно чист и мил, что он таит то нежно-интересное и изящное, что и есть прелесть жизни. И она с сочувствием смотрела на галок, на запушенные снегом деревья, на проезжавшего рысцой московского извозчика в синем кафтане с красным кушаком.

Теплом, светом пахнуло на нее в вестибюле, где раздевались какие-то барышни. Сверху спускался молодой человек в блузе, с длинными волосами а 1а Теофиль Готье, с курчавой бородкой: вне сомнения, будущий Ван Гог.

По залам бродили посетители трех сортов: снова художники, снова барышни и скромные стада экскурсантов, покорно внимавших объяснениям. Машура ходила довольно долго. Ей нравилось, что она одна, вне давления вкусов; она внимательно рассматривала туманно-дымный Лондон, ярко-цветного Матисса, от которого гостиная становилась светлее, желтую пестроту Ван Гога, примитив Гогена. В одном углу, перед арлекином Сезанна, седой старик в пенсне, с московским выговором, говорил группе окружавших:

– Сезанна-с, это после всего прочего, как, например, господина Монэ, все равно, что после сахара а-ржаной хлебец-с...

Тут Машура вдруг почувствовала, что краснеет: к ней подходил Христофоров, слегка покручивая ус. Он тоже покраснел, неизвестно почему. Машуре

стало на себя досадно: «Да что он мне, правда?». Она холодно подала ему руку.

– А я, – сказал он смущенно, – все собираюсь к вам зайти.

– Разве это так трудно? – сказала Машура. Что-то кольнуло ей в сердце. Почти неприятно было, что его встретила – или казалось, что неприятно.

– Меня стесняет, что у вас всегда народ, гости...

«Вы предпочитаете tete a tete, как в Звенигороде, – подумала Машура. – Чтобы загадочно смотреть и вздыхать!».

Пройдя еще две залы, попали они в комнату Пикассо, сплошь занятую его картинами, где из ромбов и треугольников слагались лица, туловища, группы. Старик – предводитель экскурсантов – снял пенсне и, помахивая им, говорил:

– Моя последняя любовь, да, Пикассо-с... Когда его в Париже мне показывали, так я думал – или все с ума сошли, или я одурел. Так глаза и рвет, как ножичком чикает-с. Или по битому стеклу босиком гуляешь...

Экскурсанты весело загудели. Старик, видимо не впервые говоривший это и знавший свои эффекты, выждал и продолжал:

– Но теперь-с ничего-с... Даже напротив, мне после битого стекла все мармеладом остальное кажется... Так что и этот портретец, – он указал на груду набегавших друг на друга треугольников, от которых, правда, рябило в глазах, – этот портретец я считаю почище Моны Лизы-с, знаменитого Леонардо.

– А правда, – спросил кто-то неуверенно, – что Пикассо этот сошел с ума?

Машура вздохнула.

– Может быть, я ничего не понимаю, – сказала она Христофорову, – но от этих штук у меня болит голова.

– Пойдемте, – сказал Христофоров, – тут очень душно. Его голубые, обычно ясные глаза правда казались сейчас утомленными.

Спустившись, выйдя на улицу, Христофоров вздохнул.

– Нет, не принимаю я Пикассо. Бог с ним. Вот этот серенький день, снег, Москву, церковь Знамения – принимаю, люблю, а треугольники – Бог с ними…

Москва, 1918 г.

В окрестностях Оптиной пустыни
На берегу Жиздры

Храм, где венчалась «девочка с персиками»

Храм во имя святых благоверных князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, что на Поварской улице, как всякий православный храм, знал немало венчаний. Но таинству, которое состоялось там 26 января 1903 года, суждено было занять особое место в истории храма, да и вообще в истории. Но об этом – чуть позже.

В тот день дочь потомственного купца, щедрого мецената и видного деятеля отечественной культуры Саввы Ивановича Мамонтова Вера Саввична венчалась Александру Дмитриевичу Самарину – будущему обер-прокурору Святейшего Синода, члену Государственного совета (а в послереволюционные годы – политическому узнику советских тюрем и концлагерей). Выбор храма был не случаен: родовые владения Самариных располагались по соседству, слева от Борисоглебской церкви. Сегодня на их месте стоят здания Российской академии музыки имени Гнесиных.

Летопись Борисоглебского храма восходит к началу XVII века. Историки утверждают, что первая деревянная церковь на этом месте была построена еще самим Борисом Годуновым. Первоначально она имела один престол, освященный в честь Смоленской иконы Божией Матери «Одигитрии». В 1685 году деревянная церковь сгорела, и в 1686–1691 годах на средства прихожан на ее месте был возведен новый, каменный храм с тремя приделами – в честь образа Спаса Нерукотворного, святых князей Бориса и Глеба и московских митрополитов – святых Петра, Алексия, Ионы и Филиппа. Это здание простояло более ста лет, и в 1802 году церковь вновь была перестроена в классическом стиле на средства генерал-майора Петра Николаевича Жеребцова и его супруги. По-видимому, благодетели жили где-то рядом, но точных сведений об этом не сохранилось.

На Поварскую выходила колоннада с портиком, над которым возвышался барабан и купол храма с небольшой главкой. К церкви примыкали строения трапезной и колокольни с островерхим шпилем, увенчанным крестом. Мощный купол храма был одной из архитектурных доминант улицы. Новая церковь имела два придела – в честь Смоленской иконы Божией Матери и святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба. Среди особо почитаемых святынь Борисоглебского храма на Поварской выделялся образ Спаса Нерукотворного, написанный самим Симоном Ушаковым в 1685 году.

Борисоглебская церковь была связана со многими выдающимися деятелями русской истории и культуры, которые были ее прихожанами. В 1830 году в ней венчались друг Пушкина, статский советник С.Д. Киселев, живший в приходе на Поварской, и Елизавета Ушакова. Пушкин был свидетелем, или, как тогда говорили, поручителем жениха, на этой свадьбе. За Екатериной, младшей сестрой Елизаветы, ухаживал сам поэт. Однако родственные отношения между ними не устроились – сватовство Пушкина так и не состоялось. По собственному признанию Александра Сергеевича, он в последнее время ежедневно ездил к Ушаковой лишь для того, чтобы дважды в день проезжать мимо окон дома Наталии Гончаровой, жившей поблизости, на Большой Никитской.

В той же, первой, половине XIX столетия у Борисоглебской церк-

ви на Поварской был еще один знаменитый прихожанин – Константин Петрович Победоносцев, одна из самых загадочных и разноценимых личностей в русской истории. Внук священника, он родился в Москве в 1827 году и провел ранние годы в этих арбатских краях. «Благочестивые родители с детства приучили меня к церкви», – вспоминал позднее обер-прокурор Синода в одном из писем к императору Александру III. Он посещал богослужения именно в Борисоглебской церкви и часто читал в ней Апостол.

Поварская улица и прилегающие к ней переулки хранят память о многих выдающихся людях, охотно селившихся в этих уютных уголках старой Москвы. Знаток московской старины, писатель и журналист Лев Колодный свидетельствует: «Когда Марина Цветаева поселилась в районе Поварской, в доме по Борисоглебскому переулку, то, сворачивая с улицы к себе домой, она крестилась, глядя на вставшую на ее пути старинную церковь Бориса и Глеба на Поварской улице».

А теперь об интриге, заявленной в начале нашего рассказа. Спустя четыре года после замужества Вера Саввична Самарина (Мамонтова) умерла, оставив супругу трех маленьких детей: Юшу (Юрия), Лизу и Сережу.

«Страшный удар судьбы постиг нашу семью, – написал Савва Иванович Мамонтов в тот скорбный день художнику Виктору Михайловичу Васнецову. – Дочь Вера Самарина в ночь на сегодня скончалась воспалением легких в Москве. Зная твое дружеское сердечное отношение к семье нашей, пишу тебе наскоро. Сейчас сидим на станции и ждем приезда Елизаветы Григорьевны (жена Саввы Мамонтова. – *прим. Архивариуса*) из Абрамцева. Все мы в руках Божьих».

Похоронили Веру Саввичну возле абрамцевской церкви. Кончилась земная жизнь светлой души. Но не канула в лету не только память о ней, но и ее зримый образ. Ее, двенадцатилетнюю, запечатлел великий Валентин Серов на полотне, известном всему миру как «Девочка с персиками».

А.Д. Самарин на 24 года пережил свою супругу. Летом 1918-го под угрозой ареста Александр Дмитриевич был вынужден покинуть Москву (чекисты

Когда-то в Борисоглебском переулке стоял храм. Когда-то в него ходила «девочка с персиками»...

пришли за ним с ордером на арест в его отсутствие) и некоторое время жил в Оптиной пустыни. 25 сентября 1918 года был арестован в Брянске, у него изъяли письмо патриарха Тихона с поручением вести в Киеве переговоры о проблеме автокефалии церкви на Украине. Находился в заключении в орловской тюрьме-изоляторе. В ноябре был доставлен в Москву, первоначально содержался в тюрьме ВЧК на Лубянке, затем переведен в Бутырскую тюрьму. На Пасху 1919 года участвовал в богослужении в тюрьме в качестве руководителя импровизированного хора. 19 апреля был освобожден.

До конца дней А.Д. Самарин с небольшими перерывами мыкался по советским тюрьмам и концлагерям в качестве обвиняемого, проходящего по различным политическим делам, многие из которых были связаны с его религиозными убеждениями, выражавшимися в твердой приверженности православию и русской монархии. Несгибаемый узник при первой же возможности возобновлял свою общественную и научную деятельность. С весны 1922 по осень 1925 года он жил в Абрамцеве, где принимал самое деятельное и активное участие в работе абрамцевского музея, сохраняя память о родовом гнезде своей супруги.

В 1925 году А.Д. Самарин вновь подвергся аресту. Некоторое время он содержался в одиночной камере внутренней тюрьмы на Лубянке и в Бутырской тюрьме. 21 мая 1926 года приговорен Особым совещанием при коллегии ОГПУ к трем годам ссылки в Якутию «за участие в черносотенно-монархической группировке “Даниловский синод”». С сентября 1926-го находился в ссылке в Якутске вместе с архиепископом Гурием (Степановым). В 1929 году, после окончания срока ссылки, переехал на жительство в Кострому, где был чтецом, певчим и регентом в храме Всех святых. После закрытия храма стал прихожанином местной церкви в честь святых благоверных князей-страстотерпцев Бориса и Глеба. Чудны дела Твои, Господи!

Московская церковь святых Бориса и Глеба была закрыта по Постановлению Моссовета от 7 мая 1933 года и снесена в 1936 году. Ушли люди. Ушли камни. А «Девочка с персиками» осталась…

К сему: ваш Архивариус

Наталия Прохорова

Крестный путь и крестная смерть владыки Сергия

В августе 1940 года Прибалтика стала частью Советского Союза. На этот регион распространялась юрисдикция Русской Православной Церкви еще с дореволюционных времен. Как жилось православным при большевиках, думается, напоминать не надо: Церковь была на краю гибели. А меньше чем через год – еще и война, парадоксальная и извращенная в своей сути: фашизм люто ненавидит большевизм, чувствуя в нем смертельного антагониста; в то же время фашисты и большевики – яростные богоборцы, и это их онтологически роднит. Вот какие врата раскрыл ад перед нашей Церковью.

Русский ВЕСТНИК

Выходит по вторникам, четвергам и субботам

№ 51 (75) | Вторник, 2 мая 1944 года | Год изд. 2-й

Подписная плата — на 1 мес. Rм. 1.80 на 3 мес. — Rм. 4,50. Цена отдельного № 10 пф. Подписка принимается только в почтовых отделениях. Адрес редакции: Рига ул. Рихарда Вагнера № 67. Телефон редакции — 32480. Конторы — 22031.

УБИТ ЭКЗАРХ МИТРОПОЛИТ СЕРГИЙ

Новое неслыханное преступление большевиков

(ОФИЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

Высокопреосвященнейший Сергий Митрополит Литовский и Виленский, Экзарх Латвии и Эстонии, вместе с тремя другими спутниками в субботу днем застрелен террористами в автомобиле недалеко от Ковно.

Недавно митрополит-экзарх Сергий выступил на архиерейском совещании в Риге с резким осуждением большевизма.

Останки Митрополита-Экзарха Сергия перевезены в Ригу

Ковно, 1 мая. Останки, прибывшие от ряк | которые явились в собор, чтобы отдать по- | кольника и его супруги, недавно прибывше-
тропостов митрополита-экзарха Сергия | следний долг почтенного, не могли попасть | го в Литву для антисоветских выступлений

Не секрет, что советская власть установилась в Прибалтике вопреки желанию местного населения и руководства. Там возникли мощные протестные националистические течения. Они стремились добиться как государственной, так и церковной независимости. При их поддержке митрополит Таллинский Александр (Паулус) и митрополит Рижский Августин (Петерсон) не раз пытались выйти из-под омофора Московской Патриархии. Советская власть имела богатый опыт укрощения строптивых – аресты и ссылки, но православной Прибалтике в этом смысле повезло: большевики посчитали, что в то время, когда на границе уже маячат фашисты, уничтожение храмов и гонения на верующих осложнят и без того непростую ситуацию в новых латифундиях. Значит, туда нужно направить полномочным представителем – экзархом Русской Церкви в Прибалтике соответствующего человека.

Задача не из простых. Нужно, чтобы этот человек был надежен для советской власти (главное), чтобы обладал достаточным авторитетом в Церкви (желательно) и чтобы пришелся местным властям (следовательно, был искусным дипломатом). Говоря современным языком, это должен быть человек, который мог бы все держать под контролем. Сложность заключалась в том, что таких людей в Церкви почти не осталось: репрессии большевиков извели практически весь цвет православного клира. Достаточно сказать, что к 1939 году из российского епископата кроме Местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского) на кафедрах остались всего три архиерея – митрополит Ленинградский Алексий (Симанский); управляющий делами Патриархии архиепископ Дмитровский Сергий (Воскресенский) и архиепископ Петергофский Николай (Ярушевич), управляющий Новгородской и Псковской епархиями. Выбор пал на владыку Сергия (Воскресенского).

Сегодняшний читатель, особенно молодой, с трудом, наверное, может представить ситуацию, когда первым условием для назначения на высокий церковный пост должно быть одобрение так называемых «компетентных органов». Однако это было время, когда названные «органы» были «компетентны» во всех без исключения делах, от государственных до личных. Вот и в наше время они пришли под этим же названием. В конце 30-х – начале 40-х годов каждый шаг Патриархии контролировался представителями НКВД. Поэтому православным архипастырям, чтобы хоть как-то сохранить Церковь и управление ею, приходилось лавировать, проявляя лояльность и терпимость. Владыка Сергий обладал названными умениями вполне.

Были люди, которые считали владыку секретным сотрудником НКВД. Оставим это на их совести, хотя ничего удивительного в таком предположении нет. В стране, где репрессии, доносы, оговоры были нормой жизни, к сотрудничеству с «органами» одних принуждал страх, другим это давало ощущение собственной значимости, третьих подталкивала алчность (некоторые стукачи вселялись в квартиры своих жертв), иных успокаивало иллюзией личной безопасности. Но что можно сказать о владыке Сергии (Воскресенском) с безусловной уверенностью: его сердце всегда безраздельно принадлежало только Христу и Его Церкви и это было для него единое на потребу. Все же прочее оставалось мирским и тленным.

В книге «Дух уныния не даждь ми…» – о жизни репрессированного священника Николая Трубецкого и его семьи (Москва: Артос-Медиа, 2007) – есть эпизод, из которого можно представить, каким человеком был на самом деле владыка Сергий: «Расспрашивая меня как-то о Парижском богословском институте, о моих студенческих годах и т. д., – читаем мы, – он заинтересовался моей кандидатской работой.

Я ему рассказал, что кандидатскую диссертацию я писал на тему, предложенную мне профессором В.В. Зеньковским, − “Вера и современный атеизм в СССР в их взаимоотношении”. Сущность моей кандидатской работы сводилась к беспристрастному анализу открытой и скрытой борьбы атеизма с верой в СССР и выводу, который можно выразить словами Христа: “...созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее”. Узнав о том, что у меня сохранилась копия моей работы, Экзарх попросил меня дать ее ему для прочтения. И вот на следующий день он взволнованный явился ко мне и сообщил, что он ее сжег; что мое великое счастье, что у меня не было еще обыска, ибо в противном случае мне и моей семье не избежать бы самой страшной участи!.. По его требованию я дал ему клятвенное обещание молчать о том, что этот эпизод происходил между нами… Впоследствии, когда я проходил “врата ада”, – ибо в те жуткие времена этой “улики” (кандидатской работы) могло бы быть достаточно для “десяти граммов в затылок”! – я убедился в искренности и доброжелательности ко мне Экзарха».

Итак, в марте 1941 года архиепископ Сергий (Воскресенский) был возведен в сан митрополита Виленского и Литовского и назначен экзархом Прибалтики, а 1 июля, то есть через три месяца с небольшим, в Ригу вошли немцы. Если до этого православный иерарх находился среди недоброжелателей, теперь он очутился в окружении откровенных в своей непримиримости врагов. Совсем как у себя на родине. Владыка оказался в положении Одиссея, вынужденного вести свой корабль через узкий пролив между кровожадными чудовищами Сциллой и Харибдой. Однако то был древнегреческий миф, а митрополиту Сергию смотрела в глаза реальность.

Казалось бы, логичнее всего бежать из капкана. Но это не для исповедующих, подобно владыке, Христово: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13). Когда читаешь эти строки Евангелия, до чего жалко выглядит уже набившая оскомину версия о «руке НКВД». Нет сомнений, что не обошлось без благословения Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), но как иначе могло быть в Церкви? Что ждало бы в Прибалтике православных, откажись владыка Сергий от своей миссии? И на это есть ответ в Евангелии: «…поражу пастыря, и рассеются овцы» (Мк. 14:27).

Возникла сложная конфигурация. Вожди Третьего рейха рассчитывали приобрести мощного союзника из числа гонимых верующих, своего рода пятую колонну в советском тылу. Для этого потребовалась идеологическая маска: мы, мол, не враги Церкви, а ее освободители. В приказе начальника штаба Верховного главнокомандования вермахта В. Кейтеля говорится: «Не оказывать содействия и не препятствовать религиозной или церковной деятельности гражданского населения»[1]. Немцы очень надеялись, что в обмен на их «веротерпимость» духовенство и прихожане Русской Православной Церкви ответят полной лояльностью. Умный и тонкий аналитик, митрополит Сергий понимал логику врага и решил сыграть с ним в поддавки: убедить рейхскомиссариат, что тот может на него положиться. Да и занять резкую антикоммунистическую позицию не потребовало от него больших усилий.

До чего мы, люди, скоры на вынесение приговоров! Порой не даем себе труда задуматься не только над тем, сколь правомерны наши суждения, но и какими могут быть их последствия. Ярлык предателя, который мгновенно приклеили владыке некоторые ревнители-«патриоты» (только в кавычках!), не

[1] РГВА (Российский государственный военный архив). Ф.1470 к. Оп. 2. Д. 5. л. 387.

На верхнем снимке: владыка Сергий (в центре) и священники Псковской православной миссии в окружении немецкого командования в оккупированной Прибалтике Нижний снимок: небезызвестный генерал Власов «опекает» епископа Рижского Иоанна (Гарклава).

снят с его имени по сию пору. Иные любители церковной истории и активисты, желающие хоть в чем-нибудь уязвить представителей Церкви Христовой, иначе как предателем владыку не называют. Но я согласна с большинством, считающим: митрополит Сергий (Воскресенский) никогда предателем не был!

Вспомним слова Самого Спасителя: «…отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мк. 12:17). На оккупированной территории кесарем была немецкая власть, кто мог этому возразить? Но как истинный церковный пастырь владыка отдавал главное, то есть Божие, Богу – вел людей к Нему. Это видела и понимала Московская Патриархия, и потому, несмотря на вынужденные прогерманские заявления, экзарх не был запрещен в служении, как некоторые другие пастыри. В апреле 1944 года Священный Синод постановил, что «рукоположения, совершенные им или подведомственными ему епископами… признаются действительными»[2].

Только предвзятый или примитивный взгляд на реалии того времени мог расценить поведение владыки Сергия как коллаборационистское. В декабре 1943 года в Векшни были привезены мощи Новгородских святых. Экзарх Сергий совершил торжественную литургию, после чего обратился к молящимся:

«…Сейчас, на новых местах, будучи вынужденными временно оставить свою родину, по-прежнему верят русские люди в Бога и горячо молятся Ему о ниспослании победы правому делу. В Эстонии, Латвии, Литве, где живут сейчас русские люди, храмы полны верующими, приходящими в молитве найти опору для своей каждодневной борьбы… Слова Божественной правды, слова любви раздаются в храмах. Они утверждают веру в светлую, человеческую жизнь. Они утверждают веру в возрождение родины»[3].

Не знаю, у кого повернется язык упрекнуть владыку за эти слова. Перечитайте цитату еще раз. Каким тонким умом и одновременно мужеством надо было обладать, чтобы вот так, между строк, прикровенно сказать пастве самые важные слова. Молитва о спасении родины и Церкви. Казалось бы, обычная проповедь священнослужителя. Но, помещенная в контекст того времени, исходящая от посланца гонимой русской Церкви, она обретает куда больший смысловой объем: это свобода как от большевизма, так и от фашизма. В его пасхальных приветствиях между строк читается идея и мечта о будущей, новой, православной России, свободной от власти диктаторов.

«Христос Воскресе! Этим всерадостным приветствием обращаюсь я к вам, возлюбленные, в Светлый день Христова Воскресения. Снова у нас славное торжество… Верим, что и наша смертная ночь сменится ярким днем возрожденной, воскресшей жизни… А понимаете ли вы, русские люди, что залог такой веры в светлое будущее сохранили мы потому, что при всех лишениях не потеряна нами душа православная, эта сокровищница всей нашей многовековой исторической жизни… Сейчас перед нами задача – найти самих себя, воскресить душу свою, найти национальные ценности... В этот светлый день необходимо простить друг друга, обняться и радоваться… Жизнь победила, смерть и зло приведены к ничтожеству и пустоте, ибо воистину восстал Господь, начаток умершим бысть»[4].

Люди старшего поколения наверняка помнят «Боевые киносборники» военных лет, где фашисты нередко изображались гротескно, а в фильмах про войну сплошь и рядом – дураками. Возможно, тогда нужна была такая пропаганда. В действительности против нас боролся не только сильный, до зубов вооруженный, но умный и многоопытный враг. Наивно было бы думать, что владыка Сергий это не видел. Видел и понимал, что долго так продолжаться не может, немцы рано или поздно поймут, что их просто водят за нос.

Отношения резко обострились в сентябре 1943 года, после избрания митрополита Сергия (Страгородского) Патриархом Московским и всея Руси. Немцы настаивали на том, чтобы экзарх признал выборы незаконными. Владыка Сергий категорически отказался, сохраняя каноническую и молитвенную связь с Московской Патриархией и верность другу. Ему приводили в пример решение Синода Русской зарубежной церкви – он не изменил своей позиции. Больше того, экзарх осудил резолюцию Венского совещания и всячески оттягивал свое публичное выступление по этому вопросу, вызывая недовольство оккупационной власти. Он убеждал рейхкомиссариат в том, что возрождение РПЦ и особенно избрание патриарха доказывает полное банкротство большевизма. Однако верховное немецкое командование продолжало настойчиво требовать от владыки прекратить возносить имя патриарха Сергия за богослужением.

Похоже, оккупанты собирались поставить вопрос ребром: или – или. Для экзарха это означало: речь идет уже не о тактике поведения, но о стратегии. 19 ноября 1943 года епископы Прибалтийского экзархата приняли довольно обтекаемое постановление. Поскольку митрополит Сергий (Страгородский) больше не Патриарший местоблюститель, было бы неправильно поминать его с этим титулом за богослужением. При этом никто из них от РПЦ не отрекся и все по-прежнему считали себя в каноническом подчинении Москве. Что же до экзарха, он во время своих служб продолжал возносить имя патриарха Сергия (Страгородского) и ни разу этого правила не нарушил. Скажу больше: в его речах, хоть и не очень выраженно, однако стали раздаваться призывы уже чисто политического характера, и отнюдь не прогерманского настроения.

«В битвах и грохоте войны возрождается наша Церковь, воскресает наша Родина и расправляет свои плечи воскресший русский народ… Вновь… звучат колокола, призывая народ в храмы Божии, к Христовой заутрене, вновь невозбранно и свободно трижды лобызаются русские люди и говорят друг другу: “Христос Воскрес!”. Гудят колокола на освобожденной родной земле, затеплились свечи… и на этот призывной гул спешит русский люд. ...Русские люди говорят: “Родина воскресла”. Что может быть прекраснее и роднее Родины! Что может быть сильнее и славнее одушевленного единым порывом народа!..»[5].

[2] В огне войны. Русская православная Церковь в 1941–1945 гг. (по материалам Ленинградской епархии) / Публ. М.В. Шкаровского // Русское прошлое, Историко-документальный альманах. СПб.: Logos, 1994. С. 299.

[3] Торжества в Векшнях// Северное слово, 1944, № 36 (281). С. 2. Газета издавалась во время немецкой оккупации в Нарве.

[4] Пасхальное послание экзарха митрополита Сергия // За Родину, 1944, № 86 (486). С. 2. Газета издавалась в Риге во время немецкой оккупации.

[5] Экзарх митрополит Сергий. Христос Воскрес! Родина воскресла! // За Родину, 1943, № 97 (192). С. 3.

В его речах все реже звучит благодарность «освободителям», судьбу России он уже никак не связывает с Германией. В конце 1943 года его проповеди наполнены верой в то, что Россия может возродиться, настоящая Россия, свободная не только от фашизма, но и от большевиков. Его сердце переполняет боль за русских воинов, проливающих кровь на полях сражений.

В декабре 1943 года экзарх произнес:

«Приближается праздник Рождества Христова! И в этом году мы встречаем тихий семейный праздник мира в тяжелых условиях военного времени. И в сочельник, в звездную рождественскую ночь, будет литься кровь на фронте борьбы… против темной силы отрицания идеалов человечества. В этой борьбе не на жизнь, а на смерть рядом со всеми нациями Европы стоят также и русские… Русские люди! Наши борцы за новую Россию должны знать и чувствовать, что мы… молимся о них, что мы их не забываем… Скромным внешним выражением наших чувств пусть будет возможность послать им туда, в окопы, и раненым в лазарете маленький рождественский подарок. Мы[6] *призываем всех русских в Латвийской генеральной области посильными дарами участвовать в этом деле любви и долга. Пусть каждый русский воин, получив наш рождественский подарок, знает, что он не забыт и не одинок, что невидимые нити теплоты, внимания и благодарности соединяют его с сердцами тех русских, которым, как и ему, дороги и святы те идеалы, защиту которых он запечатлевает своей кровью»*[7].

Это был едва ли не вызов врагу, причем вызов с открытым забралом. Отношения владыки с властями резко ухудшились. Соответственно пошатнулось его положение. Немцам даже не нужно было уметь читать между строк или улавливать смысл между слов. Все и так было ясно. Они поняли, что недооценивали «русского попа» и, сделав на него ставку, совершили тем самым крупную ошибку. И решили ее исправить.

29 апреля 1944 года по дороге из Вильно в Ригу прибалтийский экзарх, митрополит Русской Православной Церкви Сергий (Воскресенский) был убит в собственном автомобиле.

Убийство было совершено так, что не осталось почти никаких следов. Немцы сразу возложили вину на русских партизан, якобы отомстивших предателю. Расследования не было. Если вспомнить латинское cui prodest? – кому выгодно? (знать правду), легенда оккупантов вызывает большие сомнения. Уже в наше время появилась версия, что к убийству митрополита Сергия причастны и латышские националисты. Но все-таки большинство исследователей церковной истории склоняются к мысли, что это дело рук фашистских оккупантов.

Мне же кажется, что не так даже важно, кто это сделал, ибо и советская, и нацистская власть равно виноваты перед Церковью. Важно другое: дерево познается по плодам своим. Плодами тщаний владыки были сотни и сотни людей, которым митрополит Сергий помог остаться с Богом, то есть не потерять путь к спасению.

В самые тяжкие годы войны, находясь в глубоком фашистском тылу, митрополит Сергий сумел оставить Прибалтийскую церковь подчиненной Московской Патриархии, сохранив таким образом единство Русской Церкви. Он организовал Псковскую православную миссию, которая наладила духовную жизнь в оккупированных районах Псковской, Новгородской и Ленинградской областей. Добился от немцев разрешения на временную помощь военнопленным, предотвратил церковный раскол, создал богословские курсы в Вильно. Заботами владыки на оккупированной территории действовало более двухсот храмов. Это в несколько раз больше, чем было в то время во всей России. Самое удивительное, что в послевоенное время большинство из них так и остались открытыми.

Многие годы о служении таких иерархов, как экзарх Прибалтики в 1941–1944 годы митрополит Сергий (Воскресенский), либо вообще замалчивалось, либо говорилось, опираясь исключительно на советские пропагандистские источники. Теперь непредвзятый интерес к нему растет, ибо именно владыка олицетворяет собой образ русского пастыря, который по собственной воле пришел в стан врага, чтобы ценой собственной жизни дать людям самое главное – веру в Бога Живого.

[6] Митрополит Сергий и Русский комитет (общественная организация, сотрудничавшая с немцами и РОА Власова).

[7] Призыв митрополита Сергия (Воскресенского) и Русского комитета в Литве к русским людям // Русский вестник, 1943, 2 декабря. С. 3. Газета издавалась в Риге во время немецкой оккупации.

Евгения Тарасова

Одной судьбою со страной

Кирилло-Белозерский монастырь после закрытия в 1924 году

В результате Октябрьского переворота 1917 года была разрушена Российская империя. Перед новой властью стояла глобальная задача –уничтожить Православную Церковь – оплот русской нравственности, традиций и систем ценностей, а для этого закрытые церкви и монастыри необходимо было наполнить новым содержанием.

Известно, что уже первые декреты советской власти нанесли сокрушительный удар по Церкви, подрывая ее экономические основы и лишая юридических и политических прав. «Декрет о земле» провозглашал национализацию всех монастырских и церковных земель. Ленинский декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» устанавливал светский характер власти и решительно провозглашал принцип полного лишения религиозных организаций любой собственности. Местным совдепам предписывалось рационально использовать монастырские постройки, устраивая в них музеи, квартиры, ясли, школы, исправительные дома, учреждения социального обеспечения и здравоохранения.

Судьба Кирилло-Белозерской обители оказалась типичной для русских монастырей и православия при большевиках. Был расстрелян в 1918 году епископ Кирилловский Варсонофий (Лебедев). Через год национализировали имущество монастыря, оставив братии лишь право пользования. А когда было решено ликвидировать монастырь, то в Кириллов осенью 1924 года прислали Комиссию по проверке ценностей, которая приписала монахам ряд «хищений». Это стало одним из поводов для расторжения договора с монашеской общиной. Решение закрыть монастырь было утверждено уже до конца года, после чего здания передали местному совдепу, который использовал их для разных хозяйственных нужд.

На территории бывшего монастыря находились советские учреждения, хранилища зерна, соли, дров, сена. В 1932 году в подклетах древних архитектурных зданий разместили тысячи голов скота, так как в монастыре устроили пункт заготовки скота, который был выведен оттуда лишь в 1950 году.

В 1918 году в бывших Архимандритских кельях открылся детский дом, директором которого назначили учителя Максима Нестеровича Изосимова из Печенгской волости Вологодской губернии. Его дочь, Зинаида Максимовна, вспоминала, что отцу приказали очистить помещение от всего, что было связано с религией, и уничтожить росписи парадного вестибюля. У отца не поднялась на это рука. Он решил спасти росписи, для чего зашил стены досками и заштукатурил. Каким-то образом власти узнали, что их распоряжение не выполнено. Максима Нестеровича уволили с «волчьим билетом». Той же ночью, пока не арестовали, он тайно уехал в Москву, оттуда в Севастополь, куда впоследствии перевез семью.

Летом 1932 года монастырь посетила комиссия, чтобы подобрать подходящее помещение для устройства ста «дефективных детей и подростков». Речь, по сути, шла о создании спецколонии, а это – поджоги, кражи, разрушение памятников, как было в Спасо-Каменном монастыре на Кубенском озере. К счастью, на территории обители открыли все-таки школу-интернат для глухонемых детей. Она просуществовала там более полувека, до 1987 года, и занимала бóльшую часть монастырских построек и земли. В Архимандритских кельях размещался учебный корпус, в здании «Духовное училище» – спальные комнаты детей, взрослые мальчики жили в Караульных кельях справа от входа в Казанскую башню. Интернат имел обширное хозяйство. В школе работали швейная, столярная и сапожная мастерские, имелся большой приусадебный участок на территории крепости «Новый город» и за стенами монастыря. Урожай с огородов хранили в Казенной палате XVI–XVII веков. В подклете Введенской церкви и Трапезной палаты XVI века устроили ледник, в Поварне XVI века – скотный двор, в Уксусной келье XVII века размещалась прачечная.

Во Введенской церкви и Трапезной палате местные власти планировали устроить клуб с кинобудкой, в шатровой церкви Евфимия Великого XVII века – пионерский клуб и детскую площадку. В келейном корпусе «Архив» разместились колхозная школа для бухгалтеров и счетоводов, детский сад. Келейные корпуса «Братский» и «Священнический» XVII века использовались под квартиры для горожан. Жилые помещения находились также в комнатах Домика келаря, в пристройке слева от Косой башни и под Казанской башней, где сейчас касса музея. У жильцов монастыря и горожан Кириллова в «Новом городе» были огороды, где они сажали картошку, огурцы, помидоры, капусту и даже пшеницу. В помещениях в стене крепости жильцы держали коров.

Музей первоначально помещался в келье на первом этаже «Священнического» корпуса (нынешний кабинет директора), где жили и сотрудники музея. Под экспозиции использовались церкви Введения с Трапезной палатой и преподобного Кирилла Белозерского. Остальные храмы пустовали. Датой рождения музея принято считать 19 декабря 1924 года, когда была закончена опись монастырского имущества, имеющего музейное значение. Кирилло-Белозерскому музею «в наследство» от монастыря досталось всего 395 экспонатов. Самые ценные иконы, произведения лицевого шитья и прикладного искусства, рукописи были вывезены в музеи Петрограда и Москвы, церковная утварь и ткани – в Череповецкий музей.

В Кирилло-Белозерском монастыре находилось богатое собрание древних икон. Одиннадцать монастырских церквей имели семнадцать престолов, а значит, такое же количество иконостасов. Иконы украшали стены и столбы храмов, находились в хозяй-

Спас Вседержитель. Роспись купола Успенского собора

Роспись северной паперти Успенского собора

Богоматерь. Фрагмент росписи Успенского собора на тему Акафиста. 1641 г.

ственных службах, больницах, монашеских кельях и в ризнице. Многие образа и шитые пелены, подаренные монастырю первыми лицами государства, имели роскошное убранство: серебряные и позолоченные оклады с венцами и цатами, дробницами, драгоценными камнями, эмалью и жемчугом. Бóльшая часть этого богатства исчезла. Изделия из золота и серебра, драгоценные камни отправляли в фонд голодающих Поволжья. Куда они в действительности попадали – Бог весть. В 1930-х годах были списаны иконостасы монастырских церквей архангела Гавриила, Введенской, преподобного Сергия Радонежского и часть другого имущества Кирилло-Белозерского, Ферапонтова и Горицкого монастырей, детали резных иконостасов из Нило-Сорской пустыни и кафедрального Казанского собора в Кириллове, хранившиеся в Кирилловском музее. В 1938 году власти приказали подготовить списки на ликвидацию около тысячи икон. Большинство памятников удалось сохранить только благодаря тому, что их включили в антикварно-обменный фонд.

Многие древние произведения прикладного искусства, веками сберегавшиеся в монастырской ризнице, сохранились лишь в зарисовках художников и в Описании древностей архимандрита Варлаама (1859 год).

В 1924 году было разобрано и увезено серебряное позолоченное убранство раки над захоронением Кирилла Белозерского, изготовленное в 1643 году по заказу боярина Федора Ивановича Шереметева. Долгое время рака Святого считалась утраченной. Затем серебряная крышка превосходной скульптурной чеканки с изображением Святого в рост в одеждах схимника, выполненная мастерами Серебряной палаты Московского Кремля, была обнаружена в фондах музеев Московского Кремля. Крышка раки Кирилла Белозерского относится к числу очень редких памятников декоративно-прикладного искусства. Подобных в России сохранилось только три. Крышка оказалась сломанной пополам по линии ног; по линии рук изображение было сильно помято. Там же хранилось 26 деталей «убора на раку». Остальное убранство отсутствовало. В настоящее время ценный экспонат отреставрирован и находится в Оружейной палате Московского Кремля.

Знаменитую библиотеку Кирилло-Белозерского монастыря, которая была важнейшим книжным центром средневековой Руси и славилась богатым собранием древних рукописей и печатных изданий, также не обошло разорение. В 1918 году ценнейшая коллекция монастырских рукописей была передана из Санкт-Петербургской духовной академии в Государственную публичную библиотеку (ныне Российскую национальную библиотеку – РНБ). В Русский музей в 1923 году ушли восемь рукописей начала XV века, украшенных миниатюрами и орнаментами. В 1924 году в Госфонд были изъяты Евангелия в богатых серебряных позолоченных окладах, как «немузейное имущество». Книги, судя по актам, списывались и позднее. Значительную часть архива Кирилло-Белозерского монастыря – 53 ящика рукописных материалов весом 4551 килограмм в июне 1933 года отправил в Ленинград инспектор Ленинградского областного архивного управления Б.М. Соснов.

В 1931–1932 годах утрачены кирилловские колокола с гармонично подобранными звонами. На монастырской колокольне их насчитывалось шестнадцать: три тяжелых, тринадцать средних и малых. Самый большой, почти 20-тонный, колокол «Мотора», ставший украшением знаменитой северной обители, был отлит московским мастером Иваном Гавриловым в 1755 году. По свидетельству современников, его мощный голос служил красивой основой монастырского колокольного звона. Экспроприация колоколов оказалась очень выгодным делом: заграница, особенно Западная Европа, хорошо платила за бронзу и лом цветных металлов. Из всего набора колоколов Кирилло-Белозерского монастыря было решено сохранить только «Мотору» (уничтожен в январе 1932 года) и два колокола иностранной работы XVII века. Колокола русских мастеров-литейщиков из Ярославля, Вологды, Белозерска члены комиссии Рудметаллторга приговорили к переплавке. Из архивных документов музея известно, что вес колокольной бронзы в Кириллове составил почти 32 тонны, а железа (колокольные языки) – около трех тонн.

Музей – не церковь, однако и он с первых лет находился под жестким контролем партийных и советских органов. Местные чиновники активно вмешивались в музейную жизнь. Для начала был закрыт и опечатан архив вместе с монастырской библиотекой, то есть доступ к изучению подлинных документов. Антирелигиозное направление стало главным в работе Кирилло-Белозерского

музея. Тематика выставок 1930-х годов отличалась одиозной направленностью – очернить уничтоженный монастырь, показав его «как один из очагов темноты и невежества в отсталой царской России». Название выставок говорит само за себя: «Эксплуататорская и контрреволюционная роль Кирилло-Белозерского монастыря», «Монастырь – тюрьма», «Колонизация края и роль в ней монастыря», «Кому нужна религия и почему она враждебна простому народу» и другие. В 1937 году в музее приступили к строительству отдела природы в церкви преподобного Кирилла Белозерского (существовал еще в 1950–1960-е годы). Над захоронением основателя монастыря было установлено чучело лося. Местные старушки, знавшие, где похоронен святой, приходили в церковь, крестились и кланялись этому месту, вызывая недоумение у людей младшего поколения.

По роковому совпадению день памяти преподобного Кирилла Белозерского 22 июня пришелся на начало Великой Отечественной войны. В годы смертельной опасности для Отечества отношение советской власти к Церкви, как известно, изменилось. Было уже не до идеологии. И как встарь, полууничтоженная обитель встала на защиту родной земли. С декабря 1941 года на территории монастыря разместились мастерские по ремонту авиадвигателей. Самолеты ремонтировали в большом зале Трапезной палаты. Техники воинской части жили в общежитии в келейном корпусе «Архив». Самолеты привозили на баржах к церкви Преображения на Водяных воротах. По настилу их закатывали в палату, у которой с западной стороны была разобрана стена. Отремонтированные самолеты также на баржах увозили на фронт. Сиверское озеро, на берегу которого стоит монастырь, входит в Северо-Двинскую водную систему (канал герцога Вюртембергского), которая в районе деревни Топорня в 12 километрах от Кириллова соединяется с Волго-Балтом (Мариинской системой). По водным магистралям, проходящим по территории Кирилловского района, можно было попасть в Балтийское, Каспийское и Белое моря.

По воспоминаниям старожилов, в келейных корпусах монастыря временно жили люди, эвакуированные из Ленинграда и Воронежа. Летом они лежали на траве с раздутыми животами, их лечением занимался медперсонал. Больных людей подкармливали местные жители тем, что выращивали на огородах в стенах монастыря. В несохранившемся двухэтажном деревянном здании бывшей школы, где позднее находилось профучилище № 59, во время войны был госпиталь.

Война помешала уничтожению и распродаже икон, включенных в антикварно-обменный фонд, большая часть которых вернулась в музей. Антирелигиозный отдел, устроенный в 1938 году в церкви преподобного Кирилла Белозерского, был закрыт в 1943 году как «не соответствующий моменту». На его месте восстановили часть основной экспозиции под названием «История края и Кирилло-Белозерского монастыря на фоне общей истории СССР».

После войны все вернулось на круги своя. 1 января 1949 года на территории монастыря устроили общежитие для учащихся открытого в Кириллове Вологодского областного культурно-просветительного училища. Опять появились общежития для мальчиков, для девочек, комнаты для учителей. В 1966 году в одном из помещений Казенной палаты устроили планетарий. На втором ярусе церкви Преображения разместился районный архив, в подклете – мучной склад Райпотребсоюза. Эта же организация арендовала под склады все монастырские башни. В пристройке у Белозерской башни была городская баня. Арочные скотные дворы занимали охранную зону на берегу Сиверского озера между Глухой и Кузнечной башнями до 60-х годов XX века.

Расхищение и уничтожение музейных экспонатов шло фактически до 1956 года. Государственная публичная библиотека еще не раз пополнялась кирилловскими книгами, вывозимыми в 1950–1960-е годы. Продолжало оставаться главным и антирелигиозное направление. В начале 1960-х годов был создан передвижной музей, названный «Клуб атеиста на колесах», чтобы охватить пропагандой сельских жителей. В 1967 году к 50-летнему юбилею Октябрьской революции Кирилловский музей обязали создать экспозицию по советской истории, и вновь непременно в церкви преподобного Кирилла. Эта периодически обновляемая экспозиция продержалась в храме до самой перестройки и была разобрана в 1991 году.

В музее сохранились разрозненные иконостасы Успенского собора 1497 года, церквей Иоанна Лествичника и Преображения XVI века, Епифания Кипрского XVII века, поздние иконостасы церкви преподобного Кирилла и святого князя Владимира. Как пишет архитектор Т.Н. Кудрявцева, музейные реконструкции иконостасов церквей Иоанна Лествичника и Преображения далеки от оригиналов и «представляют нам своего рода скелеты их, лишенные всего исторического убранства», в иконостасе Успенского собора на месте икон стоят фотокопии.

В период так называемой перестройки советская власть пошла на пересмотр отношений с Церковью. В России началось возрождение церковной жизни. Русской Православной Церкви стали повсеместно возвращать отнятые у нее и разоренные храмы и обители. В 1997 году, когда праздновался 600-летний юбилей Кирилло-Белозерского монастыря, между музеем и Вологодским епархиальным управлением был подписан договор о передаче Церкви территории Малого Ивановского монастыря. В настоящее время в обители проживает десять насельников. Территорию главного, Успенского, монастыря и крепости «Новый город» занимает музей, который с 1991 года вошел в новый водный туристический маршрут «Москва – Санкт-Петербург», популярный среди иностранных туристов. Благодаря транзитному туризму посещаемость музея резко возросла. В 1997 году по Указу президента Б.Н. Ельцина историко-архитектурный комплекс «Кирилло-Белозерский монастырь» был объявлен особо ценным объектом культурного наследия. А еще на территории известного монастыря с советских времен осталось пять квартир, где в монашеских кельях XVII века продолжают жить граждане города Кириллова.

Ивановский монастырь

Со знаком качества

Премьера спектакля на актуальную тему

По нынешним временам не так уж часто случается, что выходишь из театра после просмотра комедии в особенно просветленном состоянии. С ощущением чистоты и весенней свежести, светлого праздника, беззаботной радости. Именно такие впечатления предлагает зрителям спектакль «Сверх комплекта» Московского государственного историко-этнографического театра (МГИЭТ).

Простой, абсолютно незамысловатый сюжет о поисках своей «половинки» в ближнем окружении. Слово «комплект» в спектакле употреблено в значении «полное, определенное по штату количество людей». По штату нашей жизни каждому мужчине положено иметь жену, а каждой женщине – мужа. Вместе они как раз составляют комплект. Ну а кто не нашел свою пару, остается сверх комплекта.

Так вот, герои пьесы хотят образовать комплект. Герои – это два предпринимателя конца XIX века: хозяин обойной фабрики и его компаньон. Люди зрелые. У одного семья и дочь, у другого, старого холостяка, – племянник. В этой компании появляются два молодых человека – друг племянника и девушка, претендующая на место бухгалтера (эмансипация же!). Между персонажами возникают неоднозначные отношения: поздняя любовь, влюбленность, планируемый брак по расчету, легкое увлечение, которое может перерасти в серьезное. Пары комплектуются и расстаются, партнеры в них меняются местами. И все это живо, весело, увлекательно. До конца спектакля так и не догадаешься, кто же в результате останется сверх комплекта.

Когда смотришь на эти перипетии создания семей, невольно сравниваешь век нынешний и век минувший. Как к этому важному жизненному шагу относились тогда – и что происходит здесь и сейчас. Традиционные, нормальные ухаживания, сватовство – это позапрошлый век – и странные союзы и узы – сегодня. И спрашиваешь себя: что за наваждение вовлекает наших современников в однополые, гостевые и групповые браки? Только ли распущенность, забвение заветов? Или в этом заключено более глубокое нравственное падение?

Поэтому премьера спектакля представляется очень даже актуальной. Театр не ставил перед собой такой цели, но всеми своими средствами убедительно показал, как же отрадны красивые, чистые и благородные отношения между мужчинами и женщинами. Как они необходимы для современного, замороченного «прогрессом» человека!

Ольга – Екатерина Фураева

Окуркин – Николай Антропов (слева), Павел – Алексей Остафийчук

Варвара – Карина Фадеева

Оригинал комедии – немецкая пьеса «Mauerblümchen». Русский писатель-драматург Аркадий Крюковской в 1896 году переделал ее на «русский лад», переместив героев в Петербург. Театр тщательно воссоздал обстановку того времени не только в радующих глаз декорациях и костюмах, но и в манере персонажей говорить и двигаться. Некоторые актеры вжились в свои роли настолько, что мне было даже трудно себе представить, что Карина Фадеева (Варвара) или Антон Чудецкий (Афанасий Иванович Мотылев) в жизни могут быть совершенно другими людьми.

Можно, наверное, поспорить, насколько необходимо было представлять экономку Вирилина Степаниду столь экстравагантной. Но Дарина Строчкова в этой трудной роли была захватывающе интересна и непредсказуема, вызывая живой отклик у зрителей. Мне она понравилась как раз тем, что выпадала из контекста пьесы. Несколько гипертрофированно, как мне показалось, выражал своего героя Кудрышева Виктор Юрченко. И слишком много прыжков делал Николай Антропов в роли Владимира Окуркина. Да, молод и легкомыслен, но не по чину прыгуч.

Комедия «Сверх комплекта» в свое время имела успех на сценах Императорских Санкт-Петербургских театров, но затем была забыта. И как же отрадно, что руководитель МГИЭТ, режиссер-постановщик Михаил Мизюков, извлек ее из небытия. Постановка сейчас выглядит не замыленной, не заезженной. Она чиста и прозрачна, искренность персонажей со всеми их заблуждениями вызывает восхищение и, пожалуй, очищает наши души от информационного перегруза тяжелыми и гадкими творениями современного мира искусства.

Вся сценография поддерживает замысел режиссера, чувствуется работа в команде. Декорации и костюмы полностью погружают в атмосферу пьесы, мы слышим фоновые мелодии в тему и подлинный разговорный язык конца позапрошлого века с его особенностями и присущим ему колоритом. Все это вместе и создает у зрителей те светлые ощущения, о которых я сказала в начале. Невольно напрашивается расхожий каламбур о семейном браке и качестве, но здесь он как нигде к месту.

Нина Козырева

Наталия Ануфриева, дочь своего народа

История русской духовной поэзии XX века, так же, как и история русской тюремно-лагерной поэзии, сегодня непредставима без имени Наталии Даниловны Ануфриевой. Смело можно присовокупить ее имя к именам Александра Солодовникова, Даниила Андреева, архиепископа Иоанна (Шаховского), Анны Барковой, Варлама Шаламова и многих, многих других мучеников русской литературы.

Родилась поэтесса в Санкт-Петербурге 26 ноября 1905 года, в дальнейшем детские и юношеские годы провела в Крыму, в Симферополе, вместе с матерью и отчимом.

По линии матери она внучатая племянница Николая Федоровича Арендта, лейб-медика императора Николая I, врача, на чьих руках умер раненный на дуэли Александр Сергеевич Пушкин.

Стихи начала писать очень рано, первые ее поэтические опыты были благосклонно оценены Максимилианом Волошиным. После школы работала статистиком, а в 1931 году из-за неразделенной любви к известному в те годы киноактеру и режиссеру Константину Владимировичу Эггерту (1883–1955) переехала в Москву, чтобы жить в одном городе рядом с любимым человеком. В ее не изданных пока мемуарах «История одной души» он выведен под именем Михаила Данина.

Следует сказать, что и судьба самого Эггерта в дальнейшем сложилась не слишком счастливо: с 1938 по 1946 годы он оказался в одном из многочисленных концлагерей, расположенном подле города Ухта. Там он руководил лагерным театром, а позже был в ссылке в Улан-Удэ, где впоследствии и умер.

25 мая 1936 года по доносу одного осведомителя НКВД блестящего лирического поэта, переводчика и актера, чье творчество высоко ценили Ахматова и Пастернак и кому Наталия Ануфриева вполне доверяла, она была арестована. Следствие инкриминировало ей антисоветские высказывания, хранение стихов Максимилиана Волошина и создание поэтического цикла, посвященного Александру Васильевичу Колчаку, который она приватно читала доносчику. По этому делу также проходил талантливый математик Даниил Жуковский, сын поэтессы Аделаиды Герцык, позже расстрелянный уже по новому, заведенному против него в лагере делу.

Было четыре Александра, которых она поминала во время службы в храме: Пушкин, Колчак, Керенский, Блок. Уже находясь в лагере на Колыме, в декабре 1941 года она посвятит адмиралу следующие строки:

Нет страшнее и сладостней плена.
Эту боль приняла и молчу,
И о Божьем рабе убиенном
Я молюсь, зажигая свечу…
Разгорается тихое пламя
Для тебя, для тебя одного!
Это плачет пурга над снегами,
Это скорби моей торжество.
И когда в моем сердце как смута,
Это ты меня кличешь с тоской…
Боже, Боже! Порви эти путы,
Дай душе его вечный покой…

В архиве ФСБ на Лубянке ныне погребены ее юношеские дневниковые тетради (подробнее смотри о деле Жуковского и Ануфриевой в статье Виталия Шенталинского «Осколки серебряного века» («Новый мир», 1998, № 6, С. 175–189)).

За два года Наталия Ануфриева побывала в тюрьмах Москвы, Ярославля, Нижнего Новгорода (тогда г. Горький), Суздаля! В апреле 1937 года спецколлегией Московского городского суда она была осуждена на восемь лет лишения свободы с поражением в правах на три года, срок отбывала на Колыме, в лагере под Магаданом. В тех же краях в это же время находился в лагере под Сеймчаном и другой выдающийся русский духовный поэт – Александр Александрович Солодовников (1893–1974). В лагере, как она писала позже в своих мемуарах, началась ее вторая жизнь, отмеченная обретением Бога и обращением к жанру духовной поэзии.

Нетрудно догадаться, для какого «альбома» делались эти снимки

В последние годы

Мой дух возвысится или унизится?
Мне снится, Господи, что день погас,
Мне тяжко, Господи, как будто близится
Дыханьем гибели мой смертный час.
Как будто чувствует душа разлуку,
Навек сраженная глухой судьбой…
О, дай мне, Господи,
О, дай мне руку.
Над черной пропастью пройти с Тобой!

В известном смысле она повторила путь поэта Александра Силина, в прошлом секретаря райкома партии, в лагере превратившегося в духовного поэта (о нем пишет А. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГе»). Стихи ей приходилось выучивать наизусть, и лишь в 1950-е годы во время ссылки она смогла доверить их бумаге. Все происходившее с ней, подобно Александру Солодовникову, воспринимала с истинным смирением Иова, без ропота и гнева.

Так, уже находясь в лагере на Колыме, в 1940 году она напишет:

Ночь томила гибелью, бедою,
Все чернее становилась тьма…
Но какой печальною звездою
Ты в ночи сияешь, Колыма!
Больше нет смирения и бреда,
Я уже предчувствую зарю,
И за всё, что Ты мне дал и не дал,
Господи, Тебя благодарю.

Характерно в этом смысле также ее стихотворение 1946 года, в котором она вспоминала предателя-доносчика, уподобляя его Иуде Искариоту.

Где ты теперь, предатель?
В каком изнываешь краю?
Много ль тебе, предатель,
Заплатили за душу твою?
Бессмертный твой дух поруган,
Позор твой ничем не смыт,
А крест мой во мраке над вьюгой
Как в песне любимой горит.
Глухою идешь тропою,
Нет в мире пути темней…
Но ты – лишь орудье слепое
Судьбы вдохновенной моей.

В 1946 году Наталия Даниловна вернулась к матери в Феодосию, в Крыму тогда был голод, и вскоре на ее руках мать умерла фактически от истощения, а проще – от голода, так как жить было совершенно не на что.

Спустя два года после возвращения в соответствии с обычной для того времени практикой как «повторница» она была арестована вновь и отправлена в ссылку в Казахстан в город Актюбинск, а позже в Красноярский край. В ссылке жила в деревнях Козылган, Большой Улуй и Ново-Никольское, не имея постоянной работы, перебиваясь с хлеба на квас.

Здесь сумела восстановить по памяти стихи, написанные ранее, а также написала довольно много новых.

Освободилась из ссылки в 1954 году, некоторое время жила у родственников (Арендтов) в подмосковной деревне Алексейково, а в августе 1955 года как «минусница», не имевшая права жить в крупных городах, была направлена органами на жительство во Владимир, где не имела ни жилья, ни родственников. Но одной из главных причин выбора этого города для жительства было то, что там был действующий храм – Успенский собор. В то время уже вовсю разворачивались хрущевские гонения против Русской Церкви и во многих городах храмы взрывались или закрывались. Уже живя во Владимире, начала хлопоты о реабилитации и в апреле 1957 года постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР была реабилитирована.

В дальнейшем, будучи прекрасным художником, работала на фабрике игрушек и была активной прихожанкой Успенского собора. Во Владимире писала религиозную прозу, с которой, кстати, был ознакомлен и тогдашний правящий во Владимире митрополит Николай. Умерла поэтесса 13 декабря 1990 года в возрасте 85 лет. Похоронена на новом Владимирском кладбище. Ни одна строчка ее стихов при жизни так и не увидела свет, во Владимире она никому известна не была и в общественном сознании владимирский Союз писателей так и остался славен лишь поэтом-песенником Алексеем Фатьяновым и диссидентствующим писателем Владимиром Солоухиным.

После ее смерти осталось большое литературное наследие, к счастью сохраненное близкими и родственниками. За что хочется их поблагодарить, в особенности Владимира Гумберта, Юрия Арендта и Елену Павлову – ведь сколь часто бывает иначе (примеров подобного равнодушия несть числа; далеко ходить не надо). Архив Ануфриевой насчитывает несколько сотен стихотворений, литературоведческие (эта часть, впрочем, пребывает в лубянском архиве) и богословские статьи, а также мемуарную прозу «История одной души» (написана в 1960-е годы), объемом 500 страниц, о поисках и обретении Бога.

В 1994 году московское издательство «Возвращение» при посредничестве общества «Мемориал» в серии «Поэты – узники ГУЛАГа» издало крохотным тиражом маленькую книжечку ее стихотворений под названием «Жизнь развернула новую страницу».

Но подлинное открытие ее поэзии еще впереди. Смеем надеяться, что творчество этой замечательной поэтессы, сумевшей пронести сквозь все испытания Русской Голгофой глубокую веру в Господа и создать много превосходных духовных стихотворений, еще послужит России и поможет многим и многим обрести свет Христовой истины, стойко перенося жизненные испытания.

У Марка Твена, этого превосходного писателя-юмориста, о чем знают все, но при этом также глубокого и тонкого духовного писателя, о чем осведомлены немногие, есть рассказ про капитана корабля, после смерти попавшего в рай. И вот среди прочих райских диковин он видит Уильяма Шекспира, чистящего сапоги какому-то господину. На удивленный вопрос, а в чем же дело, ему объясняют, что при жизни этот человек был простым сапожником, жил и умер в бедности, но при этом писал гениальные пьесы, никому из земных, впрочем, неведомые. Воздаяние он смог получить только после смерти на небесах.

Ох, и много же смысла открывается в этой незамысловатой притче для любого хоть мало-мальски знакомого с историей русской литературы нового и новейшего времени.

Не хочется думать, что Семен Бабаевский и Кирсанов чистят в небесных кущах туфельки Анне Ахматовой и Наталии Ануфриевой, но все же, все же, все же… Каким-то образом Господь обязательно должен вносить равновесие в нашу земную несправедливость. А впрочем, это всего лишь теологумен (то есть частное богословское мнение).

Знакомство широкого читателя с творчеством Ануфриевой пока что пребывает в начальной стадии.

Во имя Господа нашего Преблагословенного Иисуса Христа написал смиренный раб Господень Евгений Данилов

В одном из ближайших номеров мы предполагаем напечатать подборку стихотворений Наталии Ануфриевой.

Вера Кострова

Самая точная из наук – наука о Боге

В начале лета я совершенно случайно узнала, что в Душонове, на базе православной гимназии «Ковчег», организуется летняя школа для подростков, интересующихся физикой, математикой и информатикой. Меня, как и многих других, удивило, что от подобных образовательных проектов эта школа отличается... православным уклоном. А плакатик справа нужно понимать так: Летняя физико-техническая школа.

Вера в Бога и рациональное отношение к сущему. Иными словами, религия и наука. В нашем сознании настолько крепко сидит стереотип их несовместимости, даже антагонизма… Сегодня мир спешно и успешно секуляризуется, а тут вдруг информатико-физико-математическая школа с православным уклоном. Как так?

И вот я беседую с директором этой самой школы – преподавателем кафедры информатики Московского физико-технического института Тимофеем Хирьяновым. По образованию он не педагог, а ученый-физик. Преподавать начал по академической необходимости, учась в аспирантуре, но весьма скоро это занятие увлекло его больше, чем наука. Так, неожиданно, человек нашел свое призвание. Но при чем здесь Бог? – спросят иные атеисты. Ответим иным атеистам: Бог – при всём. Точнее, всё и все – при Боге.

– Учился я в обычной школе № 36 города Таганрога, и учился довольно посредственно. Но в 9 классе увлекся физикой и математикой, поступил в ТМОЛ – лицей для одаренных детей (это я не о себе – о лицее) при Таганрогском государственном радиотехническом университете. Вскоре занял первое место по физике и математике на городской олимпиаде. Но даже в специализированном лицее я чувствовал: мое фанатичное отношение к учебе делало меня в глазах окружающих белой вороной. Из-за этого я задирал нос и дружил исключительно с «занудами» (теперь их называют «ботаны»). Теперь я отношусь к себе взыскательнее и стараюсь не согрешать чванством. Но тогда было по-другому. Благодаря победам в олимпиаде я попал в летнюю физико-математическую школу для одаренных детей Ростовской области. Занятия вели профессора Ростовского госуниверситета, тренеры олимпиадников. И дети там были намного более одаренные, чем я. Их уровень подготовки стал для меня своего рода вызовом: я понял, что быть лучшим в классе, в школе, даже в городе – это только начало пути, это входной билет в общество белых ворон. Троечником среди лучших мне понравилось быть намного больше, чем отличником среди середнячков, поэтому я подал документы на Физтех. Другого вуза для себя не планировал. Если уж учиться, то только в МФТИ – одном из лучших технических вузов России.

– С физикой и математикой понятно. А вот когда и благодаря чему вы пришли к Богу? Вы из верующей семьи?

– Верующей была моя бабушка Зоя. Она попросила меня всегда носить крестик и научила молитве «Отче наш». Вот и все мои детские отношения с Богом. Школьником я о

вере, понятно, не думал. Это пришло во время учебы в МФТИ, как это ни парадоксально звучит. Изучая физику элементарных частиц, я пришел к выводу, что законы этого мира выбраны не случайно. Лекции профессора Осипова помогли мне выстроить в систему представления о мире и увидеть глубину православной философии.

– Алексей Ильич Осипов – выдающийся современный богослов. Чтобы заинтересоваться его трудами, нужно было быть как-то подготовленным в религиозном отношении.

– Все было просто: я отреагировал не на фамилию, а на звание профессора. Сказалась научная, а не религиозная подоплека, хотя «Отче наш» я знал наизусть.

– Итак, вы поступили в один из лучших технических вузов страны. Где, как вы узнали православных студентов? Как узнали, что они – православные? Каким было ваше общение?

– На общественном мероприятии «День энтузиаста» выступила одна студентка, которая рассказала о сайте «Наша вера», созданном ее с мужем силами в домене МФТИ. Там, на форуме сайта, я и познакомился с несколькими верующими студентами. Разумеется, среди поступающих на физтех много атеистов, агностиков и просто неопределившихся и упивающихся своей буйной молодостью. Верующих, как и в любом другом вузе, мало... Верующий студент, да еще и в общежитии, – это тоже белая ворона. Оказаться одному среди неверующих очень опасно: или отречешься от Христа, или возомнишь о себе слишком много.

– Насколько я понимаю, приходилось непросто.

– Правильно понимаете. Можно позавидовать студентам МИФИ. У них и кафедра теологии, и вообще особое отношение к вере. У нас тоже особое, но с противоположным знаком: крайне осторожное и даже агрессивное. Новый проректор по учебной работе сразу запретил открытые духовно-нравственные лекции, которые мы организовывали вместе с факультетом гуманитарных наук МФТИ и на которые приглашали интересных нам православных богословов и священников. Кроме того, собрания евангельского кружка в общежитии несколько раз попадали под запрет, несмотря на кулуарность их проведения. Мы, православные студенты, почувствовали: необходимо объединиться ради, так сказать, выживания. Хотелось поддержать друг друга в мировоззренческих исканиях, сохранить горение духа, сделать свою веру взрослой и разумной. Сердцем нашего студенческого православного общества стал еженедельный кружок по изучению Евангелия, главными событиями – ежегодное широкое празднование Пасхи в роще с ролевыми и спортивными играми, совместные выезды, паломничества.

– Кто собрал вас? Трудно поверить, что православное общество создалось без опытной, направляющей руки...

– Представьте, организовались сами, без священника или руководителя от института. Это было в 2005 году. В студенческое православное общество при МФТИ вошли студенты, выросшие в религиозных семьях, и те, кто, как и я, пришел к вере уже в институте. За десять лет сменилось несколько студенческих поколений, сложилось немало верующих семей, а некоторые из нас даже стали священниками, как, например, иерей Анатолий Чистов. Я сам из первого поколения, но не потерял связь и с нынешними участниками студенческого православного общества. Поскольку, читая Евангелие, мы обсуждаем достаточно глубокие вопросы, друзья по евангельскому кружку мне ближе прочих, я могу положиться на них, на их нравственную чистоту и бескорыстие.

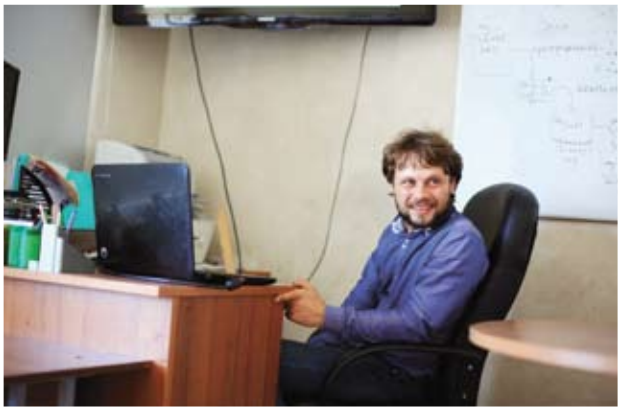
– Как пришла мысль создать православную летнюю школу?

– Много лет наше общество работало, так сказать, исключительно на себя. Уже накоплен мощный ресурс для более широкой просветительской деятельности. Не хотелось бы пропустить момент. Мы – белые вороны в квадрате, мы – православные «зану-

К тому, что вам уже известно о Тимофее Хирьянове, остается

ды»: верующие физики, математики и информатики. Мы хотим отобрать таких же белых ворон в квадрате, только подростков, и показать, что нос задирать не надо, что довольно много таких же и что жизнь – как во Христе, так и в науке – только начинается! И еще. Возрастной период от 13 до 17 лет характерен жесткой ломкой мировоззрения. Подросток пересматривает все данные ему от родителей установки и вырабатывает на все собственную точку зрения. В то же время он очень зависим от окружения. Много молодых людей из верующих семей в этом возрасте уходят от церковности, принимая точку зрения міра. Широко распространенный мірской взгляд состоит в том, что православие – это сказка для маленьких.

– И вы поддержите тех, кто на грани отречения от веры?

– В определенной степени. Православные студенты – это те, кто для школьников 13–14 лет стоит по другую сторону пропасти. Для них это живое свидетельство того, что после 17–18 лет есть жизнь в Церкви, что можно и в молодости искренне верить в Бога, что можно быть разносторонне развитым, интересным человеком с полной и яркой жизнью и не уходить от церковных таинств, а в них черпать поддержку своему юному буйству во Христе. Важно, что при этом мы не собираемся проповедовать догматы. Закона Божия как обязательного предмета в нашей школе нет. От детей не требуется знать Символ веры и «Отче наш», но они должны быть морально готовы к общешкольной молитве. Мы действительно хотим учить ребят физике, математике и информатике. Я искренне верю, что самых важных слов должно быть немного, нужно не столько говорить о вере, сколько жить ею. С другой стороны, мы занимаемся популяризацией физики, математики и информатики, показываем, что это не так сложно, но очень интересно. А еще – что это престижно и перспективно. Кроме учебных занятий у нас проводятся встречи цикла «Зачем учимся?», посвященные теме каждой недели. Между прочим, темы у нас самые разные, в том числе и космические, с посещением центра подготовки космонавтов.

– Уверена, что это интересно не только школьникам, но и самим молодым преподавателям.

– Несомненно. Летняя физико-техническая школа полезна для подростков, но не менее важна и для студентов МФТИ, которые, выступив как преподаватели, научатся владеть аудиторией, брать на себя ответственность, вести и увлекать детей предметом. А может быть, кто-то из них, как и я, почувствует в преподавании свое призвание.

– Почему решили организовать школу в Душонове?

– На мой взгляд, это очень подходящее место. Живописное Под-

добавить одно: он – отец шестерых детей. Помоги им всем Господь!

московье: лес, воздух, солнце. Тихое село с огромным трехпрестольным храмом и православной классической гимназией «Ковчег» в пятидесяти метрах друг от друга. Настоятель храма, он же директор гимназии, протоиерей Алексий Новичков имеет многолетний опыт организации летнего отдыха детей на базе гимназии. Все удобства, трапезная, повара, учебные классы, учебные компьютеры, интернет оптоволокном... Нам ведь *учить* детей надо, а не военно-патриотически в палатках ночевать. У нас четкий распорядок дня, строгие внутренние правила поведения, которые поддерживают вожатые и педагоги-воспитатели. Четырехразовое питание, личная гигиена, спортивные игры на воздухе и в спортзале. Концерты, конкурсы, ролевые игры и песни под гитару. И, разумеется, учеба.

– С этого места поконкретнее, пожалуйста...

– Образовательная программа рассчитана на два профиля. По результатам тестирования мы отобрали 30 человек: половину на математику-информатику и половину – на физику-математику. В каждом профиле по две учебные группы: 7–8 и 8–9 классы. Каждый будний день два урока математики и два – профильного предмета, а также один урок – гуманитарный курс по выбору. В субботу – зачет с оценкой по этим трем предметам. Школа проходит в течение двух недель – с 7 по 21 августа.

Недельный курс охватывает определенный, не слишком обширный круг тем. По математике, например, комбинаторика и теория вероятности. За неделю можно не только рассказать теорию, но и научить решать олимпиадные задачи. На вторую неделю курсы меняются. По физике за неделю проходим курс кинематики нелинейного движения или законов сохранения и динамики столкновений. По информатике за неделю научим детей работать с рекурсивными алгоритмами и рисовать фракталы или программировать простые компьютерные игры. Помимо этого – учеба в неформальной обстановке в вечернее время в форматах кружков и мастер-классов.

– Не могу не спросить о стоимости. Для многих родителей это самый важный вопрос.

– Оплата включает стоимость четырехразового питания и экскурсии. Всего 17 тысяч рублей. Если у кого-то из родителей талантливого ребенка, который хочет у нас учиться, возникают затруднения (допустим, семья многодетная), то вопрос решается индивидуально. Слова Спасителя, что не нужно препятствовать детям приходить к Нему, обращены ко всем. Мы – не исключение.

Фото из архива
Тимофея Хирьянова

Автор с внучкой Улей

Памяти Елизаветы Глинки

Наследники Доктора Лизы

Волонтеры в День защиты детей в хотьковской школе-интернате

Как-то в храме московского подворья Троице-Сергиевой лавры, куда мы с семьей ходим на службы, исповедоваться и причащаться, я увидела двух сестер милосердия. Они были в белых апостольниках и фартуках, красивые, как два белых голубя.

Я решила, что должна все узнать об этих сестричках. Мне приходилось читать о сестрах милосердия, которые помогали раненым в госпиталях, больным и обездоленным людям, о преподобномученице великой княгине Елизавете Федоровне, основавшей Марфо-Мариинскую обитель, но эти две девушки почему-то особенно тронули мое сердце. Видимо, так Господь подсказал мне путь, по которому я должна пойти.

Началось с помощи дому малютки и 7-й тушинской больнице, а потом я узнала, что есть православные курсы сестер милосердия, и поступила на них. Я стала выпускницей «Сестричества в честь святого великомученика и целителя Пантелеимона» и в 2008 году получила удостоверение патронажной сестры милосердия. Какая же была радость, когда нам выдали белоснежную форму и торжественно посвятили в это высокое и благородное звание!

Посвящал нас духовник сестричества архиепископ Егорьевский, ныне митрополит Рязанский и Михайловский, Марк. Не могу передать восторг, который я испытала во время этой церемонии. Я сама выросла в многодетной семье, и, как ни покажется странным, именно благополучное в этом смысле детство обострило во мне чувство сопричастности к чужим одиноким детским судьбам. Так что я могу уверенно сказать: помогать брошенным и отказным малышам было моей мечтой с детства. Да, я с детства мечтала помогать тем, кто нуждается в помощи, особенно маленьким детям. А теперь, когда я сама уже мама шестерых детей, это чувство стало еще сильнее. И вот она, моя мечта, сбылась.

В 2005 году было придумано название – группа милосердия «Радость моя». Ведь именно так – радость моя – называл каждого, кто приходил к нему, преподобный Серафим Саровский. Но «группа» – такого хозяйственного субъекта в принципе не существует, и надо было подумать о том, чтобы определиться с формой хозяйствования. Так появилась некоммерческая организация «Благотворительный фонд помощи детям “Группа милосердия – Радость моя”». Название-то придумали, но заняться конкретной работой никак не получалось: у меня на тот момент было пятеро маленьких деток. Когда они подросли, появилась возможность воплотить в жизнь свою мечту.

Не знаю, кому как, но для меня и моих единомышленников было самым трудным очертить круг своих дел. В жизни так много нестроений, так много людей, нуждающихся в самого разного рода помощи, что охватить всех не под силу даже сверхмощным структурам, что уж говорить о нашем маленьком фондике, состоявшем из нескольких энтузиастов. Мы понимали, что должны четко определить свои границы, иначе попросту захлебнемся и вообще ничего не сможем сделать. Было невыносимо тяжело сознавать, что те, кто окажутся за пределами наших границ, остаются без нашего внимания и поддержки. Однако мы понимали: если хотим хоть чего-то добиться, иного выхода нет. Мы определили для себя: наш фонд принимает участие в жизни брошенных, отказных детей, детей-сирот, детей-инвалидов, пожилых людей, многодетных семей, помогает малоимущим, матерям-одиночкам, ветеранам Великой Отечественной войны, а также одиноким престарелым людям, нуждающимся в помощи и заботе наших братьев и сестер.

Иной читатель может подумать, что мы – это огромная армия добровольцев, располагающая безграничными возможностями. Это далеко не так. Действенная

помощь заключается прежде всего не столько в ее объеме, сколько в том, насколько она адресна и своевременна. Сходить в аптеку за лекарством для инвалида порой куда важнее, чем принести ему кулек пряников. Я, к сожалению, хорошо знаю, что такое потеря многих близких людей, горе и боль. Но при этом я всегда понимала, что надо помогать тем, кому тяжелее и хуже, чем мне. С первых дней создания фонда мы все активно включились в работу: мой муж Владимир Руссу, старшая дочь Зарина Длужневская, разработчик сайта Олег Нестеров. И почти сразу стало очевидно: без добровольных помощников не обойтись. Дали объявление на сайте фонда www.radostmoia.ru, что нам требуются волонтеры. Первой откликнулась актриса Ольга Столярова. Мы проводили благотворительную акцию по сбору подарков для детей-сирот в детском супермаркете, где и увидела нас Ольга. Подошла и попросила взять ее к нам, так по сей день и трудится, во славу Божью помогая в фонде. Оля рассказала, что замужем, но своих деток пока нет. Предложила стать аниматором для наших детей. Ольга ездила с нами в детские дома, помогала проводить благотворительные акции. Сейчас в фонде около двадцати человек, но и их нам уже не хватает. Мы по-прежнему остро нуждаемся в помощниках, так как круг деятельности расширился. Я написала: «мы нуждаемся», а это не совсем точно: нуждаются люди, оказавшиеся в беде, – вот о чем нужно помнить всегда.

14-й дом ребенка. В центре – президент фонда и автор Рузана Шилова, справа – ее дочь и тоже дипломированная сестра милосердия Зарина, слева – волонтер Елена Григорьева

Добровольцы нашей группы – Владимир, певец, музыкант и исполнитель своих песен, его продюсер Елена, с ними мы познакомились в Наро-Фоминске, где он выступал. Я пригласила их к нам, так и началась их помощь в фонде. Есть безотказный Сергей. Он увидел нас на праздничном мероприятии и записался к нам добровольцем. Сергей женат, у него дочь, но он находит свободное время помогать фонду. Распространяет среди многодетных и малоимущих семей бесплатные билеты в цирк, в театр на детские представления. Татьяна, Галина и Светлана – это волонтеры, которые откликаются на любой призыв о помощи. Сейчас это самые активные помощники, участвуют в любой нашей работе. Все эти люди, как никто другой, знают, что такое горечь, боль и одиночество, поэтому они нашли свое утешение в помощи. Ведь и они все с непростыми судьбами. Братья и сестры группы милосердия «Радость моя» – это люди разного возраста, которые в свободное от работы и своих семейных забот время спешат к тем, кому необходима помощь, кто трепетно ждет их прихода.

Во многих детских больницах, приютах, детских домах, домах ребенка катастрофически не хватает персонала, а значит, дети не получают должного внимания, заботы, тепла, а что можно сказать о любви и ласке, которые так необходимы детям? И очень страшно, когда на детский плач порой некому откликнуться. Мы стараемся и здесь приносить посильную пользу.

В ежедневной суете, занятые своими делами и проблемами, мы не всегда представляем, сколько горя, слез, искалеченных судеб рядом с нами, за стенами детских больниц, приютов, детских домов, домов ребенка и домов престарелых. Ведь каждый из нас может задуматься хоть на минуту о том, что может помочь, уделить внимание, подарить радость и любовь тем, кому это необходимо как воздух. А воздух необходим всем. Низкий поклон и глубокая благодарность всем, кто своими пожертвованиями помогает нам облегчать людскую боль, мы ради этого и существуем.

Рузана Шилова,
президент фонда

Для сердечных и добрых людей

ЛАМПАДА

в вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

Узнать о свежем номере и познакомиться с архивом журнала можно на нашем сайте lampada-press.ru

Одобрено Синодальным информационным отделом Московского Патриархата (Свидетельство № 228 от 10 декабря 2012 г.)

Напоминаем тем, кто предпочитает гарантированно получать «Лампаду» домой, а не покупать ее в церковной лавке: подписаться на журнал можно с любого месяца, но только через редакцию.

Схема прежняя: деньги на телефон
8 (963) 962-5575 и НЕПРЕМЕННО СМС с фамилией и подробным адресом подписчика.

Подписка проводится на добровольные пожертвования, то есть цена не фиксированная.

ПРИЧИНА: журнал приносит убытки (около 100 рублей на каждом экземпляре). Поднимать цену не хотим. Заплатите, сколько сможете. Благодарим.

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском парке

Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане

св. мц. Татианы при МГУ

Воскресения Словущего на Успенском Вражке

Воскресения Христова в Сокольниках

Всех Святых Алексеевского женского монастыря; на подворье Патриарха Московского и всея Руси при храме прп. Алексия, человека Божия

Иверской иконы Божией Матери на Всполье

иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими воротами

Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь

прп. Алексия, человека Божия, б. Ново-Алексеевского монастыря

Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском

Троицы Живоначальной в Хорошеве

Троицы Живоначальной в Хохлах

Троицы Живоначальной в Орехове-Борисове

Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове

Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище

Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово

Сретенский ставропигиальный мужской монастырь

Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском

Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке

царевича Димитрия при Голицынской больнице

Троицы Живоначальной в Останкине

свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной

апостола Иоанна Богослова в Бронной слободе

свт. Климента, папы Римского

Успения Божией Матери в Казачьей слободе

Книжный магазин «Книжница» Дома русского зарубежья

Новомучеников и исповедников Российских в Строгине

Всех святых во Всехсвятском

Всемилостивого Спаса в Митине. Патриаршее подворье

Рождества Христова в селе Рождествено (Митино)

Преображения Господня в Тушине

Иконы Божией Матери «Знамение» в Аксиньине

Прп. Сергия Радонежского в Бусинове

Троицы Живоначальной при бывшей Черкасской богадельне, патриаршее подворье

прп. Алексия, человека Божия в Крылатском

Богоявленский кафедральный собор в Елохове

Казанской иконы Божией Матери в Коломенском

Свято-Данилов ставропигиальный мужской монастырь

Донской ставропигиальный мужской монастырь

Воздвижения Креста Господня в Алтуфьеве

св. ап. Иоанна Богослова «под Вязом»

Воскресения Христова в Кадашах

свт. Иннокентия, митр. Московского в Бескудникове

прп. Сергия Радонежского в Крапивниках

ISSN 2225-0271
9 772225 027100